

Мария Луч

НИТИ ЖИЗНИ

Все взаимосвязано

16+

Мария Луч

Нити Жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67722482

SelfPub; 2023

Аннотация

Дархан – молодой шаман с севера, чужой в мире людей и за его гранью. Ради спасения земляков, он отправляется на поиски могучего духа, чтобы сразиться с ним. Эслин – южанка, которую с детства учили угождать мужчинам. Все изменилось, когда она овладела магической силой Нитей Жизни и вступила в ряды повстанцев. Герои сталкиваются и становятся союзниками поневоле, не испытывая поначалу взаимного доверия, но остро нуждаясь в помощи. Ведь друг без друга им не одолеть врагов из мира людей и мира духов. И никому не ведомо, что лишь тонкая ниточка любви, протянувшаяся между ними, удерживает королевство от гибели.

Содержание

Глава 1. Падение сатри	4
Глава 2. Северные верования	18
Глава 3. Паучиха теряет Нить	30
Глава 4. Красная расправа	39
Глава 5. Вы не слышали о Нитях?	52
Глава 6. Три пользы	63
Глава 7. Заступник	80
Глава 8. Первый круг	99
Глава 10. Странные попутчики	134
Глава 11. Дурной сон	150
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Мария Луч

Нити Жизни

Глава 1. Падение сатри

Оспари, столица Ангардаса

«Мать упечет меня за решетку, это точно».

Эслин неслась против людского потока, врезаясь в прохожих. Внутри тревожно и гулко стучал барабан. Звук заполнял ее всю и метался, пытаясь вырваться. Отдавался в ушах, бился о глаза изнутри. Одной рукой Эслин придерживала край капюшона у лица, а другой вцепилась в широкую юбку. Не то чтобы она мешала при беге, но нужно было скрыть в складках ткани багровое пятно. Казалось, что чужая кровь пылает на ней как огонь, расплзается по одежде и бросает жаркие отсветы на лицо.

Снова резкий удар плечом. Из рта сами собой вылетели извинения, а следом и крепкое слово в свой адрес. Осторожно! Смотреть по сторонам! А то заметит полицмейстера, лишь когда кисти упадут под тяжестью кандалов. Эслин отпустила капюшон и провела по мокрому от пота лбу, чтобы освободить обзор. Бег ослабил тяжелую косу длиной с позвоночник, и теперь боковые пряди норовили кулисами занавесить хозяйке глаза.

Хорошо, а теперь сбавить шаг и отдышаться. Запас времени она себе обеспечила, когда сорвала жесткий шнур-подхват с тяжелых штор и связала руки женщине, которая привела ее в этот мир. Та слабо отбивалась, кривила губы как ребенок и неверяще таращилась на мертвеца. Ничего, успеет натянуть маску самообладания до возвращения прислуги с ярмарки. Эслин замедлилась, пропустила пару всадников и чинно перешла проспект Банкиров. Родные улицы Оспари теперь казались враждебными. Она не узнавала дома и переулки, от стен веяло холодом, а в каждом окне мерещился тяжелый взгляд судьи. И вновь ноги понесли ее с быстротой косули, ведь до изящного здания из светлого камня оставался всего квартал.

Полукруг колонн перед ним выглядел как распростертые объятия, а буйные кусты жасмина в садике при входе напоминали сбитую перину, которая сулила отдых и забытье. Эслин нырнула в зеленые заросли и замерла – в боку ходили ледяные иглы. Она прижала руку к животу и вдруг осознала, что видит Галерею Ветров в последний раз. В голове завертелся хоровод обрывочных мыслей – простых, неуместных, но теплых.

Она победно усмехнулась, вспомнив, сколько раз Галерею пытались отбить. То требовали вернуть географическому сообществу, то просили отдать под институт для благородных девиц. Но покровители сатри всегда оказывались влиятельнее. Тут же накатил небывалый прилив гордости за то, что

она – одна из них. Произведение искусства, созданное, чтобы украсить досуг мужчин. Черная жемчужина в шкатулке коллекционера, вспышка падающей звезды, крепко выдержанное вино на торжественном ужине. Предназначение сатри – стать живым праздником для своего господина. По крайней мере, так они говорили гостям.

Но кем она будет теперь? Эслин жадно впиалась взглядом в барельеф над входом. Роза ветров. Сотню лет не рассматривала, всегда пролетала мимо. Как хочется теперь отпечатать в памяти каждую деталь! Тем более что этот символ имел для сатри особый смысл – женщины делились по названию ветров на четыре типа: ледяной Борей, неудержимый Торнадо, знойный Хамсин, и влажный Зефир. Интересно, смогла бы она со временем перейти в стан опаляющего ветра, как мечтала? Позволить себе в поведении больше своеволия и надменности, да так, чтобы это сводило с ума, а не вызывало недовольство и недоумение?

Теперь не узнает. Пора бежать дальше. Первым делом преступницу начнут искать здесь. Пройдут по белоснежным коврам в грязных сапогах и начнут унижительные допросы. Начнут с наставницы и подруг, постепенно дойдут до постоянных гостей. Сатри-убийца – оглушительный скандал для безупречной репутации заведения! Хотя... Не все ли равно, когда надо спасать свою шкуру? Нет. Эслин сжала кулаки и ускорила. И малейшая трещина не должна пробежать по фундаменту репутации Галереи! Да разве она смо-

жет припеваючи жить в безопасности? Поступив со своей второй семьей как трусливая тварь?! Именно здесь в семь лет она родилась заново. Год за годом учителя трудились над ней как скульпторы над безликим серым камнем. Она была в неоплатном долгу за одно только образование – глубже и шире того, что получали ее ровесницы из богатых семей. А уж о том, что ей дали сверху, и говорить нечего...

Девушка завернула за угол, и на последнем дыхании бросилась к одному из боковых входов. Не раскрывая лица, показала кольцо-печатку караульному. Преодолела лестницу, согнувшись пополам.

– Госпожа Нора! – слава Небесной матери, ее наставница сидела за своим не по комнате гигантским столом из цельного дерева и разбирала корреспонденцию.

Госпожа любила, чтобы дневной свет при работе падал на лицо, поэтому гостей встречала ее спина, защищенная гладким щитом серебряных волос. За ним же она прятала часть лица, когда намеревалась лгать весь вечер. В этот раз серебро ее волос яростно взметнулось, и концы на миг напомнили веер заточенных клинков. Женщина резко развернулась и приказала:

– Говори быстро и коротко. Не можешь говорить – начинай жестами.

Эслин в это время уселась на пол и дышала так, будто целиком съела острый перец. Услышав приказ, она провела ладонью вдоль горла. Тут же взгляд черных глаз Норы ввин-

тился в самую душу, выискивая там ответы.

– Да что с тобой?! Выглядишь так, будто убила кого-то!

Эслин сглотнула. Нора потемнела лицом.

– Что?! Невозможно... Самооборона? Несчастный случай? Мы найдем надежного стряпчего!

Эслин с сожалением помотала головой и выдавила:

– Отчим.

– Ах, вот оно что, – наставница встала, подошла к окну и замерла возле него, будто любовалась повадками старых ворон над ратушей.

Ее волнение выдавало только шелканье длинных пальцев, словно в такт быстрой неслышимой мелодии.

– Ведь я приказала забыть туда дорогу! Но как тебе удалось справиться с крупным разъяренным мужчиной...? Нет, пустое. Зачем ты здесь?

– Помочь. Вам нужна история, и я дам детали, – Эслин медленно приблизилась. – Последний сезон я часто виделась со своим графом. Можно соврать, что я отдалась ему и понесла. В бешенстве вы отстранили меня от обязанностей, но надеялись, что я избавлюсь от ребенка. Поэтому официальный приказ придержали в столе. Оповестили о нем только пару доверенных лиц. Но я ваших надежд не оправдала, да еще и натворила непоправимое.

В дороге Эслин казалось, что легенда звучит стройно, но пока она говорила со спиной Норы, ее уверенность затухала. И все же пришлось закончить:

– Прямо сейчас вы составите приказ об отстранении задним числом и всех предупредите. Тогда Галерея не понесет ответственности за мое преступление. А ваш приятель из сыска пришлет весточку, когда где-нибудь всплывет труп девушки. Опознаете в нем меня, и дело закрыто...

– Твоя легенда похожа на дельный план как боа из перьев на шубу. И защитит нас в ненастье также.

Нора не обернулась, но Эслин поежилась. Не зря наставница считалась дочерью Борея.

– Граф должен будет солгать, что спал с тобой. Но зачем ему это пятно на репутации?

– Мужчину в Ангардасе, кем бы он ни был, не опорочит постельный подвиг, – выдавила Эслин. – Тем более с сатри.

– Не опорочит, да. Но с девушками из Галереи не принято проводить ночь. Слух об этом покажет, что твой граф – не гранит, а простой смертный со своими слабостями. Его деловые партнеры вывернут это и используют, – Нора прекратила щелкать пальцами. – Хм... Знаешь, а твоя история будет выгодна тому молодому банкиру... со сложной фамилией.

– Да, я виделась с ним месяц назад, – Эслин живо кивнула.

– Ну и отлично. Банкир не пользуется успехом у женщин, хотя и сорит деньгами, чтобы купить их расположение. Интрижка с тобой пойдет на пользу его репутации среди других мужчин. Только вот... – пальцы Норы вновь задвигались. – Тогда вылавливать тебя из залива нельзя. Получится, что он не оказал тебе поддержки, и ты утопилась вместе с его ре-

бенком. Что ж, тогда без трупa. Я благодарю тебя за возможность обдумать все и подготовиться. А теперь уходи из Оспари и более не показывайся в городе! Эта история и так плохо скажется на нашем доходе в этом сезоне.

– Ухожу, госпожа. Еще только одно.

Эслин наклонилась к уху Норы, вдохнула сладкий запах духов холеной женщины и слегка помедлила. Вдруг стало неловко и боязливо, будто нужно сообщить о постыдной болезни.

– Вы спросили, как я его... Как я с ним справилась. Мне явились Нити.

– Какой цвет? – наставница вскинула голову и схватила ее за руки. Глаза ее расширились.

Чего больше в изумлении Норы – страха или восторга? Эслин не поняла. Она и свои чувства еще не распутала, сдерживала их с момента убийства. Но теперь дамба треснула, и поток переживаний пробил ее, выплескиваясь наружу сбивчивой речью.

– Два цвета! Целых два, госпожа! Когда я увидела, что он замахивается на мать, ладони зачесались, а перед глазами встала разноцветная паутина. Всю комнату оплела и их обоих облепила. Красного кругом было больше всего, целыми сгустками. Сперва я подумала, что это у меня кровь прилила к голове и сейчас дурно станет, но в тело пришла не слабость, а сила! Клянусь, если бы я его ударила, наверняка бы вышло не хуже, чем у мужчины. Но мне хотелось просто

придушить его, чтобы он заткнулся, захлопнул пасть и прибрал свои мерзкие руки с волосатыми кистями, и...

Эслин тяжело сглотнула и дернула горлом как птица, решившая пообедать крупной лягушкой. Нору она больше не видела. Перед глазами дрожали и перетекали одна в другую свежие сцены, будто она смотрит на отражение в беспокойной мутной воде. Вот в ее руке из ниоткуда появляется Нить. Осязаемая и крепкая, словно ручка остывающей сковороды. Горячо, но терпимо. Вот толстая шея громкого и грузного отчима.

Повинуясь легкому движению ее руки, Красная лучом закатного солнца скользит по другим Нитям, потом вдруг становится гибкой и оборачивается вокруг его шеи удавкой. Делает петлю и послушно скользит обратно к Эслин. В нетерпении подрагивает в ладони. Только потяни.

– Мне казалось, что я не в теле, а со стороны наблюдаю. Как в театре. На шее проступила багровая полоса, но ее быстро перекрыли следы его собственных ногтей, когда царапал кожу. Он не успел ничего понять – боролся за жизнь. А мать догадалась, потому что я застыла с поднятой рукой.

Да, в тот миг Нити разом пропали, а она так и стояла. Стояла, когда его повело, когда врезался головой в каминную полку и разодрал кожу. Не шелохнулась, когда осел у ее ног, дергаясь все слабее, хрипя все тише. Тогда ручьи крови и увлажнили ткань ее юбки как благодатную почву. Эслин моргнула и поняла, что размытой картинке обязана сле-

зам. Она плакала не по доморощенному тирану. Тем более что его жизнь оборвалась так просто и быстро, что сразу и не осознать. Она прощалась со своей ускользящей прежней жизнью. Но скорбь пришлось отложить.

– А второй цвет? Не томи же!

– Зеленый. Я тогда посмотрела на мать и вдруг показалось, что мне не двадцать, а два. Кромешная жуть маленького зависимого человека. Будто погибну я или выживу, зависит только от нее. Будто она – рука над пропастью. И мне до смерти нужно уловить, понять ее чувства. Злитесь ли? Ненавидит? Или поможет, спасет? И тогда я снова их увидела, только иначе. Зеленые оплетали меня саму, спускались по рукам и тянулись к ней как виноградные лозы. Когда конец Нити коснулся матери, я ощутила, что она чувствует так ясно, будто была ею. Будто влезла в ее шкуру, но всего на миг. Коротко. Но мне и этого хватило...

Эслин шумно втянула в себя воздух и сжала зубы. Отвратительно! Как теперь вытравить из памяти этот животный страх и человечью ненависть? Она не читала мысли, а лишь поймала чувства, но могла ясно вообразить, что крутилось у родительницы в голове.

«Ненавижу! Скотина! Что она наделала?! На что я теперь буду жить? Все кончено! Она поплатится за это! Проклятая паучиха у меня поплачет».

Подоспела ответная злость. Эслин расправила плечи. Она давно не малышка, которая нуждается в материнской люб-

ви, а молодая самостоятельная женщина. И ее больше ничего не связывает с эгоистичной тварью, которая передала ей как родовое проклятие маленькую грудь и раздутые губы. И почему она вообще об этом сейчас думает? Глупая!

– Госпожа, и Красные, и Зеленые Нити я увидела мельком, как молнии в грозу. Объясните мне, помогите! Когда они появляются? Как ими управлять? Сперва я испугалась, что подобное повторится. А теперь, напротив, хочу развить это умение! Пусть оно угрожает моей жизни, мне нечего терять, – голос бывшей сатри креп. – Я не хочу забиться в угол и провести жизнь в страхе. Не дождется! Госпожа, вы – моя единственная надежда узнать хоть что-то. У вас ведь... Фиолетовые, верно?

Нора смотрела на свою воспитанницу так, будто увидела впервые. Она даже не разжала ладони. От неприкрытого изумления ледяной Норы и манящих перспектив внутри разлилось лихорадочное возбуждение.

«Неужели?! Я и вправду теперь могу стать непобедимым воином и управлять чужими чувствами?!».

Удар. Жар от пощечины расцвел на щеке.

– Сотри с лица самодовольство! – Нора пришла в себя и теперь колола ее фразами как рапирой. – За убийство человека тебя просто отправят в тюрьму. А вот из-за владения Нитями ждут бесконечные пытки... Смерть покажется избавлением! Я не хочу тебе такой участи.

– Да расскажите вы хоть что-то! – шепотом взмолилась

Эслин, ошарашенно держась за щеку. Наставница впервые подняла на нее руку. Внутри взметнулась обида, но, вместе с тем, такой жест выдал ей глубокий страх и бессилие Норы. – Я все понимаю, потому и рискнула вернуться именно к вам! Знание поможет мне выжить.

Нора покосилась на дверь.

– Я знаю ничтожно мало и большего не ищу. Избегаю соблазнов. Отправляйся в горы Туярык. Говорят, вблизи местных селений уцелел последний храм Нитей. Он притягивает таких же, как ты и я. Но там об этом можно говорить свободнее. В горах ты узнаешь больше.

Эслин только осознала, что совсем одеревенела от волнения. Для кого-то Нити – как неизлечимая болезнь, а для нее станут лекарством от слабости! С их помощью она сможет... Да чуть ли не вершить историю! Огромные возможности. Огромная ответственность. По плечам ли ей? Эслин затрясло так, что зуб на зуб не попадал, но голос Норы вновь выдернул ее из мыслей:

– Кстати, а почему ты так уверена, что мать тебя сдаст? Муж мертв, а с ним плакала и ее безбедная жизнь. Она не из тех, кто будет работать прачкой или швеей на износ, верно? А других вариантов и нет. На ее месте я бы угрожала выдать тебя и бесконечно тянула деньги, пока ищу нового супруга.

– Ох, госпожа... Я ведь и так выделяла ей часть дохода последние три года. А потом сказала себе – хватит! Я не должна, не обязана. Вы бы слышали, как трещала ее глотка от

воплей, – голос Эслин взметнулся вверх от боли и обиды. – Нет, она знает, что больше ничего от меня не получит, как ни угрожай.

Она будто вынырнула, чтобы ответить, и тут же вновь погрузилась в водоворот чувств. И этот водоворот неотвратимо повлек ее к самому желанному решению. Вот что она сделает сначала – примкнет к женскому сопротивлению. Теперь ей есть что им предложить. Теперь ее вклад будет достойным. С помощью Нитей она сделает все, чтобы ее мать и другие женщины могли обеспечить себя сами.

Сдерживаться и здраво рассуждать у Эслин более не получалось. Она предчувствовала, что ее пути с Норой больше не пересекутся, а потому окончательно выпустила вожжи и выпалила:

– Меня все мучает вопрос. Почему вы так подчеркнуто безразличны к борьбе за права женщин? Что думаете на этот счет? Вами движет эгоизм или трусость?

Эслин и впрямь раньше не решалась присоединиться к самоотверженным женщинам. Запал и смелость, с которыми они продирались сквозь чащу многолетних устоев, восхищали ее. Но своего топора у нее не было. Поэтому оставалось только собирать в шкатулку под кроватью газетные вырезки и жертвовать им часть дохода через доверенное лицо. А вот Нора в подобном не была замечена. Хотя она обладала целым состоянием, которое сколотила на «золотых» беседах с гостями о политике и торговле. За ее советы мужчины

выкладывали суммы, сравнимые с покупкой породистой лошади. Зато после встреч с наставницей их всегда настигали осадки из увесистой денежной тучи. Завистники шептались, что причина этому – Фиолетовые Нити богатства. И только пара человек знали, что так оно и есть. Этот дар успешно дополнял врожденные качества Норы. Ну почему она не использовала это для помощи? Сейчас, когда идут самые рьяные протесты и так важно подкинуть дров в очаг?!

Нора внезапно громко расхохоталась. Ее смех ударил Эслин сильнее пощечины, но все же она прикусила язык и выслушала.

– Твоя правда, ласковый Зефир. Мой вклад в сопротивление только в том, что я живу достойную жизнь и занимаюсь ремеслом, которое мне по сердцу. Но перед тем как стыдить меня и спасать других, разберись с собой! Не то превратишься в свою мать...

Эслин задохнулась. Как это вообще связано с ее матерью? Ровно никак. Это что, Нора решила наказать ее за дерзость, ткнув в кровавую рану? Но та нежно взяла ее за плечи и тихо проговорила:

– Моя отчаянная девочка, даже не представляю, за что тебе боевые Нити. В тебе есть стержень, но ты не боец, а теперь и не сатри. Вот и узнаешь кто ты и на что способна. Пусть тебя оберегают Небесные родители и бесчисленные связующие Нити жизни.

Нора порывисто обняла свою подопечную и также быст-

ро отстранилась, но Эслин успела впитать всю любовь, что та пыталась ей передать. Бурный водоворот внутри смиренно улегся, и его место заняли штиль и тоска.

– Простите. Меня просто разрывает на части, в голове все смешалось. Кажется, что я снова лишилась дома. «И в этот раз не менее больно и страшно», – прошептала она.

Дверь внизу распахнулась и стукнула ручкой о стену не с обыденным звуком, а тревожным, будто выстрел. Женщины сжались. Раздались громкие мужские голоса, кашель. Тяжелые сапоги загремели по ступенькам. Кто-то, цокая каблуками, вышел навстречу.

– Не лишилась дома, а всего лишь выпорхнула из гнезда, – шепнула Нора и вытолкнула Эслин в открытое окно.

Глава 2. Северные верования

Талви, столица региона Изыски на севере Ангардаса

Увидев северное сияние, Лида запищала и запрыгала как щенок. Величие и красота этого зрелища коснулось даже черствого сухаря в груди ее отца – Лида готова была поклясться, что под пенсне блеснула слезинка. Впрочем, ученый тут же коснулся перчаткой век, отметил суровый нрав здешних ветров, и увел дочь в дом.

Знаменитого в Ангардасе химика принял у себя князь Изысков. Лида трепетала, заходя в спальную, потолок которой украшали самоцветы. Да что там, даже внешние стены дома блистали россыпью камней. Казалось, что северяне должны быть счастливы оттого, что живут в месте, столь щедро одаренном природой. Да, климат и впрямь суров, и удаленность от крупных городов сказывается на развитии, но все же, разве это не самый удивительный край – чистый, свободный, самобытный?

Однако все, кого она успела встретить, вели себя сдержанно и на улыбки скупилась. Все, кроме одного человека. Старший сын князя по имени Нэвлис каждый раз приветливо улыбался Лиде и оставлял на ней взгляд, заставляющий щеки пылать.

Усевшись ужинать вместе с приближенными князя и дру-

гими гостями, она ощутила новый прилив благодарности судьбе и отцу за то, что попала в Изыски. Близость Нэвлиса за столом заставила ее позабыть про долгое и тяжелое путешествие. Да что там о путешествии, она едва ли понимала, что за блюда им подали! После трапезы все разбрелись по гостиной за беседами, а молодой мужчина слегка притронулся к локотку Лиды, приглашая ее отойти к книжным полкам.

– Какая богатая у вас библиотека! – с готовностью завела она беседу, ощущая, как жар пионами расцветает теперь и на шее. – Позвольте, я угадаю, что вы любите читать?

– Боюсь, это совсем просто, – улыбнулся Нэвлис. – Решительно все, кроме романов.

– Что же за узкий стеллаж останется, если убрать романы? – засмеялась Лида. В голове у нее кружилось, точно от вина, хотя тут его не подавали, и, похоже, вовсе не пили.

– О, в основном труды ученых мужей, и вашего уважаемого отца в том числе, – Нэвлис указал на знакомые девушке корешки на полке. – Впрочем, боюсь об заклад, вы не хотите говорить о свойствах полезных ископаемых.

– Угадали, – довольно кивнула Лида. – А о чем я тогда хочу поговорить?

– А вы вообще не говорить хотите, а танцевать, – Нэвлис подошел к ней так близко, что Лида почти ощущала его дыхание на своем лице.

В столице она бы тотчас отступила на шаг, пусть даже он и нравился ей до обморока. Но здесь в воздухе словно вита-

ло волшебство. Она робко заглянула в пронизательные изумрудные глаза и немедленно отвела свои.

– Где же у вас фортепиано? – и куда делась вся уверенность столичной кокетки, скажите на милость. Кажется, даже пряди потеряли самообладание и впервые выбились из тугой прически. Лида заправила их и оглядела гостиную.

– Жаль вас разочаровывать, но в нашем доме не танцуют. Да и на весь Талви только два фортепиано. Один в театре, другой в доме у королевского наместника. Но я вас туда не поведу, слишком хорошо знаю хитреца. Перехватит ваше расположение, а я этого не вынесу, – нахмурился Нэвлис.

– О нет! Этого точно не произойдет или краски больше никогда не коснутся неба над вашим краем, – быстро произнесла Лида, взлетая до самых звезд.

От ее слов улыбка вновь вернулась на лицо князьего сына. Он взглянул на себя в оконное стекло, заправил за ухо длинные светлые волосы, и довольно протянул:

– Вы прелесть как милы и поэтичны. Кажется, я не встречал девушки, прекрасней вас. А ведь мы можем потанцевать и без музыки, верно? Поднимемся в малый зал! Там больше места и меньше людей. Вроде совсем нет.

Лида была готова отправиться не только в малый зал, но и под венец. Но все же потрудилась унять свои чувства и вспомнить о достоинстве. Нет и еще раз нет. В первый вечер наедине они не останутся уж точно, а не то количество вольностей начнет нарастать как снежный ком. На ее сча-

стье, дверь гостиной резко распахнулась и Нэвлис перестал ее гипнотизировать. В комнату с порывом вечерней прохлады влетели тревога и мужчина. Гонец быстро подошел к князю и зашептал ему на ухо громче, чем следовало.

Лида, как и другие притихшие гости, расслышала обрывки фраз: «скончались на месте», «подарок был рядом», «пока взяли под стражу». Она обернулась к своему спутнику за объяснениями, но тот весь обратился во внимание. Князь громко сообщил домочадцам и приезжим:

– Мне необходимо оставить вас, дамы и господа. Важное дело требует присутствия. Моя семья позаботится о том, чтобы вы ни о чем не беспокоились.

Нэвлис кивнул, провожая отца задумчивым взглядом. И тут же его вниманием завладели другие гости.

– Что произошло? Мы слышали об убитых? Что за подарок? – заволновались путешественники.

Вместе с ученым и его дочерью на север приехали еще пять человек, среди которых была и другая женщина – жена картографа, та еще выскочка. Несмотря на волнуемое известие, Лида ощутила внутри теплую вспышку превосходства оттого, что она оказалась в центре внимания, рядом с сыном хозяина дома.

– Прошу вас, не переживайте, – уверенно проговорил тот, поднимая руки. – Подарком у нас называют одного человека. Шамана. Сказать по совести, он так и притягивает неприятности. Если и неповинен в них, то оказывается неподалеку,

чем навлекает на себя понятный гнев толпы. Но неприятности у нас случаются ничуть не чаще, чем в столице, будьте спокойны. Преступности почти нет. А вот природа и расстояния играют строго против нас.

– Шамана, говорите, – заинтересовался отец Лиды. – Я слышал о ваших колдунах и с удовольствием взглянул бы на их ритуалы.

– О, боюсь, что они не камлают¹ для приезжих, – сочувственно развел руками Нэвлис. – Но, коли уж я проговорился об этом, то должен спросить и о вашем отношении к ним.

– К шаманам? Весьма интересное явление.

– Интересоваться можно с разными целями.

– Ну... – именитый химик поправил пенсне, – чем ближе мы подъезжали, тем больше невероятных историй слышали от местных жителей. Признаюсь, что я полон скептицизма. Но когда количество людей, которые искренне верят в шаманов и духов, превысило все мыслимые пределы, я понял, что должен понаблюдать за ними. Хотя бы для того, чтобы понять, внушением какой чудовищной силы они обладают.

Нэвлис ответил ему задумчивым взглядом.

– На столе у моего отца лежит декрет о верованиях. В нем говорится о том, что король признает лишь власть Небесных родителей над Ангардасом. Служителей и поклонников иной веры ждет суровая кара. Вы слышали об этом? – он дождался уверенных кивков от гостей. – Тогда должны понимать, что

¹ Камлать – совершать обряд, во время которого шаман общается с духами.

интересоваться шаманизмом опасно для вас, а для нас еще более опасно потакать вашему интересу.

– Но вы ведь сами сказали о шамане, – вдруг вставила Лида больше затем, чтобы привлечь внимание мужчины.

– Сказал, – прохладно согласился он. – Вы также должны понимать, где находитесь. До высадки солдат короля на берег Ледяного моря, здешние народы много веков развивались обособленно. Конечно, у них сложились особые обычаи: они поклонялись своим богам, были у них и свои посредники между мирами людей и духов. Даже наместник не может полноценно заменить северного князя, как бы кощунственно это ни звучало. Моя семья много поколений помогает ставленникам короны оберегать жителей края. Наместники меняются, но каждый новичок со временем соглашается с тем, что шаманизм на этой земле неискореним. По многим причинам. Поэтому просто игнорирует вопрос верований в отчетах. Вам мы советуем делать то же самое.

Нэвлис ни на тон не убавил учтивости в голосе, но Лида все же ощутила угрозу в его словах. Похоже, и другие это заметили.

– Считаете, что вы вправе оставлять подобные рекомендации? – недовольно поинтересовался картограф.

– Нижайше прошу прощения, если мои слова показались вам грубыми, – слегка поклонился Нэвлис. – Однако, мы предупреждаем об этом всех гостей, поверьте. Дело даже в простом. Местное население относится к шаманам с боль-

шим уважением, поэтому может нелюбезно отреагировать на пренебрежение, не говоря о желании развенчать их авторитет. Кроме того, верьте или нет, сама земля встает на их сторону. В прошлом году одного гостя в тундре загрызли медведи, когда он ездил осматривать новое месторождение. Вспоминали, что прямо перед этим он нелестно отзывался о нашей шаманке. Нет, я не хочу мистифицировать и связывать воедино два этих факта. Но вы приехали к нам на несколько месяцев, и я со своей стороны костыми лягу, чтобы обеспечить ваше благоденствие. Даже если для этого надо предупредить о малоприятных вещах.

Как ни странно, его слова вызвали у столичной публики не новый приступ возмущения, а оживленные переговоры. Вспоминали, как фамилия съеденного, спрашивали, что на этот счет думает нынешний наместник. Интересовались про месторождения, про то, как здесь ходят письма. Жена князя и его дочь тоже втянулись в беседу, вывели ее в мирное русло, и вскоре гостиную вновь наполнил смех, но Лида никак не могла избавиться от чувства, будто Нэвлис продолжил им угрожать, и в своей речи за скобками он оставил очень и очень многое.

Вскоре она извинилась и отправилась отдыхать в смятенных чувствах. Ночь забрала и растворила в себе тревогу. Утром наследник Изысков вновь показался ей совершенно очаровательным. Вернулся и хозяин дома. За завтраком гости закидали его вопросами о вчерашнем происшествии.

– Один человек оборвал свою жизнь выстрелом из ружья, а другой, став свидетелем этого, скончался на месте от острой боли в сердце. Трагедия, горькая потеря и забота нашего полицмейстера. Меня позвали лишь потому, что рядом оказался печально известный знахарь.

– Нас вчера уже посвятили, что это был шаман. А с шаманами так и вяжутся разные необычные факты. – улыбнулся картограф. – Прекрасный чай, откуда он?

– Отвар из березовой чаги², – проговорил князь с металлом в голосе. – А насчет шаманов – что ж, вы все равно о них что-то да услышите. Но официально они не являются адептами веры и никого ни к чему не призывают, упаси нас Небесные родители. Они играют лишь роль лекарей и переводчиков. С очень редкого языка, нездешнего. Ну и актеров, если вам будет угодно.

Лида ясно видела, что в жизни Нэвлиса и его семьи шаманы играют какую-то особую роль. Вот что может стать ключом к его сердцу... Она с теплой улыбкой обратилась к князю:

– Прошу, расскажите больше о вашей культуре. Я бы хотела глубже ею проникнуться. А шаманы, как их не называй, все же важная ее часть. Легенды ведь не под запретом? Тем более что пара из них все же добралась до Оспари и гуляет

² Чага – нарост неправильной формы на стволе, который является грибом-паразитом. Березовая чага издавна применяется у северных народов в лекарственных целях.

там в кругах любителей. Ну, хоть про этого загадочного Подарка расскажите.

– Не в бровь, а в глаз. Это прямо-таки одна из центровых фигур в нашей истории, – кивнул князь. – Но эта легенда лишена романтики и назидательности, зато полна вопросов. Лучше я поведаю вам о сихиртя³, подземном народце, что живет в сопках...

Лида внутренне кивнула себе – ход удачный. Объект ее симпатии пристально посмотрел на девушку и после завтрака тихо сказал:

– Если хотите, то я вам расскажу про Дара. Полное имя этого шамана – Дархан, и он служит нашей семье. Но нужно будет все же переместиться в уединенное место, по понятным причинам.

Молодые люди поднялись в малую залу и устроились на софе, покрытой шкурой оленя. Нэвлис взял руку гостыи в свою, бережно погладил пальцы, набрал в грудь воздуха и заговорил:

– Все началось с духа гнева. Его имя – Уоюр. Он похож на человека, только очень тощий. Кожа белая и блестящая как свежий снег. Из-под зашитых век сочится кровь, а изо рта беспрестанно течет слюна. Это очень сильный и важный дух. Его голову с серебряными волосами венчает корона из горящих свечей. Как и многие духи, Уоюр хотел перебраться

³ Сихиртя или сиртя – в ненецкой мифологии низкорослый народ, живущий под землей и обладающий магическими способностями.

из мира духов в мир людей.

– Невероятно, – прошептала Лида, которая так ясно представила себе злого духа, что у нее мороз пробежал по коже. – Это возможно?

– Иногда духи могут вселиться в дурного человека или слабое животное. Но без нужного обряда они не могут надолго украсть тело, ведь любое существо начинает противиться вторжению. Много лет назад, когда я был ребенком, один большой шаман провел такой обряд для Уоюра. Он поклялся, что сделает дух гнева местным божеством. Призовет его в мир людей и поселит в тотеме. Для тотема в Талви возведут блистательный храм Праведного Гнева. Люди будут приходить туда, просить защиты, кормить Уоюра подношениями и своей верой. Взамен шаман потребовал наделить его могуществом. Дух и человек ударили по рукам, и шаман взялся за подготовку обряда. Он долго заговаривал тотем, тщательно подбирал особое место для установки чума и наполнял его силой. А когда пришло время – убил свою жену.

Лида боялась пошевелинуться. Каким извергом надо быть, чтобы пойти на это?

– Говорят, она неизлечимо болела, и сама просила принести себя в жертву, – мягко добавил Нэвлис. – Все шло гладко, пока в чум не вбежал их сын по имени Дархан. Увидев мертвую мать и отца в крови, он подскочил к ним и сорвал обряд. Шаман умер на месте. Тотем исчез, и с тех пор о нем не слышали. Но всем известно, что Уоюр страшно разозлил-

ся за то, что сделка сорвалась, и вот уже много лет он и его духи-слуги насылают на северян несчастья.

– Ужасающая легенда, – с трудом вымолвила Лида, облизнув пересохшие губы. – Мне жаль вашего Дара. Пережить такое, будучи ребенком.

– О, не беспокойтесь о нем, – Нэвлис закинул ногу на ногу. – В тот день шаманский дар отца перешел к нему. Впрочем, и проклятие тоже. Теперь виновника напастей ненавидят не только духи, но и люди. За все беды, что творятся из-за него. Но он тоже вовсе не безобиден, да и живется ему не так уж плохо. Как я сказал, моя семья ему покровительствует, а он камлает для жителей Изысков.

Лиду так захватила история, что она едва ощутила, как ладонь Нэвлиса прогулялась вверх по ее руке и уверенно переместилась на талию. Она вздрогнула и выпрямилась:

– Вижу, вы меня оскорбить хотите?

– Простите мне эту непозволительную вольность, – проникновенно отозвался Нэвлис, но руку не убрал. – Обычно я так не веду себя, нет. Но вы – особенная. Это стало ясно с первой минуты, как вы появились в доме.

– И все же, держите себя в руках, – наказала Лида, ощущая, как внутри все трепещет и воспламеняется. Больше всего ей хотелось, чтобы рука осталась на месте, но репутация была важнее. Для их же будущих отношений она сбросила ее и отодвинулась.

– Какие же напасти преследуют ваш народ и почему все

уверены в том, что причиной этому именно месть духов? Простые люди склонны приписывать божественное происхождение малоизученным явлениям, но вы-то просвещенный человек. Полярное сияние уже объяснили свечением природных газов. Думаю, вскоре мы узнаем, чем на деле оказались ваши духи. Есть ли у вас предположения?

Прекрасный вопрос, который показывает ее ученость. Лида гордо выпрямилась, но ожидаемой реакции не получила. Нэвлис смотрел на нее с жалостью и пониманием, будто на душевнобольную. Но не успела она отреагировать, как наследник князя тепло улыбнулся ей и быстро ответил:

– Вы так любознательны, это не может не восхищать. Но если ваш живой интерес вызван тревогой, то повторюсь, что беспокоиться не о чем. Я буду рядом.

С этими словами Нэвлис наклонился и накрыл ее губы своими горячими и обветренными губами. И Лида передумала задавать вопросы. К тому же за окном поднялся ветер, и в его зловещем вое девушке теперь слышались крики людей. Она помедлила пару сладких мгновений и оттолкнула его, упершись в грудь кулачками. Но Нэвлис не выглядел разочарованным – он понимающе качнул головой, сослался на дела и вышел, оставив ее наедине с клокочущим внутри жаром и сбившимся дыханием.

Глава 3. Паучиха теряет Нить

Илака, городок на севере Ангардаса

С макушки встающего солнца отделились первые лучи и упали на ее лицо. Золотые прожилки в ореховых глазах тут же заблестели. Утренний ветерок стеснительно играл кончиком тяжелой косы, спускавшейся до поясницы. Эслин стояла на каменном утесе и с тревогой разглядывала озеро под ногами.

Темная вода с готовностью холста приняла теплые краски рассвета. Но бывшую сатри беспокоила рябь – она напоминала ей убористый почерк. Казалось, что в мелких озерных волнах скрыто важное послание, но постичь его суть никак не удавалось. Эслин щурилась и все сильнее наклонялась вперед. Носки стоп опасно выдались за пределы камня.

Захотелось раскинуть руки в стороны и нырнуть в манящую глубину. Эслин уже было вдохнула поглубже, но вдруг с тревогой оглянулась на густой лес за спиной. Нельзя, у нее еще задание от Хазимы. Сопротивление ждет результата. Она вновь повернулась к озеру и вздрогнула, когда впервые увидела в воде свое отражение.

– Я пока не могу. Я не готова, – зачем-то призналась Эслин водному двойнику.

Отражение кивнуло и исчезло. Это как? Прodelки духов? Из леса донеслись женские голоса: приказы, споры. Кто-то

позвал ее по имени, но Эслин не могла себя заставить уйти.

– Я не хочу снова в лес. Но и в воду не решусь прыгнуть. Неизвестно еще, что я найду в глубине – затонувшее сокровище или свою смерть.

Крики в лесу стали громче. Эслин вздохнула и направилась в чащу. Пора спешить, они же в опасности.

– Мы в опасности, – сорвалось с ее губ.

Эслин распахнула глаза и ошалело огляделась. Пыльная комнатуха постоялого двора на севере Ангардаса. Персиковый свет и хвойный воздух прорываются сквозь штору. Какой неприятный сон со вкусом растерянности...

Внезапно на подушке сбоку что-то шевельнулось. Эслин медленно повернулась и увидела змею цвета летних листьев. Приподняв голову, змея следила за ее выражением лица. Рука миглом взметнулась, чтобы схватить гадину, но тут же замерла в воздухе. Нет, это не змея, а Зеленая Нить истинных чувств! Едва Эслин узнала ее, Нить растворилась в воздухе. Так странный сон – ее проделка? Не к добру.

С первого этажа, где располагался трактир, уже летел звон чашек и тарелок, скрип половиц и глухие пожелания доброго утра. Эслин вскочила, умылась ледяной водой, оделась и принялась быстро заплетать пышные волосы в косу. Сны, в которых она падала или собиралась упасть, преследовали ее уже больше года. С того самого дня, как Нора выкинула ее со второго этажа Галереи Ветров.

Полет, сильный удар ног и отдача в ключицу, но ниче-

го серьезного – рыхлая земля на клумбе смягчила падение. Страшнее было, что ее увидят полицмейстеры, ждущие у входа. К счастью, в тот момент их глаза надежно застряли в окнах танцевального класса. Они совсем не ждали, что преступница решит вернуться домой, а наставница осмелится ее покрывать.

Спустя неделю Эслин добралась до селений в горах Туярык и нашла уцелевший храм Нитей, но и там пир знаний не застала. Ей достались заплесневелые корки. Все ранние источники были старательно уничтожены и все, чем она могла располагать – свежим опытом таких же, как и она.

Так и узнала, что чаще дар открывается у женщин. Что раньше их называли ткачихами жизни, а позже и теперь – паучихами-людоедками. Считалось, что управительницы Нитей выплетают узоры лишь во благо себе, бездумно разрушая чужие жизни. Наверняка были и такие. Наверняка зависть и страх тоже имели место. Ведь оказалось, что есть много цветов Нитей и каждый цвет дарует особую силу, а применять ее можно по-разному. Это непостижимое творчество кружило Эслин голову.

Увидев, на что способны другие ткачихи, девушке стало ясно, почему в королевстве, где правят мужчины, Нити оказались под запретом. Ей было только непонятно, как женщины допустили такое. Негодование и обретенная сила привели ее к радикальному сопротивлению. Его лидер Хазима провозгласила Туярык независимой территорией и заправ-

ляла всеми обитателями гор. Ткачих она привлекала к своему делу особенно энергично. Если бы Нора только узнала, чем этот год занималась ее бывшая ученица, она бы была разочарована.

Коса истончилась. Эслин завязала на конце ленту и трянула головой, отгоняя дымку прошлого. Время исполнить то, ради чего она приехала в эту северную глушь. Тайга и манила, и пугала. Ощущать себя муравьем среди лиственниц, подпирающих небо, было приятно. Но случись что, и сгинуть здесь можно в два счета. Так мелкая галька тонет в лесном озере: едва слышный всхлип, и ни единого больше движения на воде. Никакой памяти.

Эслин спустилась, кивнула хозяйке трактира и огляделась. Где же ее муж? Договаривались, что он проведет разведку затемно и явится на доклад с первыми лучами. Наконец к ней одновременно подоспели горячая яичница с травами и курносый блондин с темно-синими глазами, похожими на проруби.

Юноша поймал кокетливый взгляд хозяйки и жестом попросил чаю. Затем хрипло кашлянул, сморщился и подвигал плечами.

– Да ослабь ты бинты. Все равно сидишь спиной ко всем, – шепнула Эслин.

Ее спутник запустил руки под широкий сюртук, повозился возле подмышек, и вскоре выдохнул с облегчением. В районе его груди заметно прибавилось.

– Не томи, Ши, что слышно? – Эслин подалась к своей соратнице. Чем дальше от столицы, тем суровее становилось отношение к женщине, которая путешествует в одиночку. Но Йошима было в радость примерить на себя чужое обличье. Всю жизнь она страдала оттого, что ее строгий нрав не соответствовал кукольной внешности.

Йошима отхлебнула чай, скривилась и сняла с губы кусочек стебелька:

– Неужели трудно процедить? Я что, должна выуживать из зубов эти бревна? Ладно. Обошла я свой участок и заметила на краю улицы один домик. Какой-то молчаливый на фоне других, как будто хозяева недавно мир освободили. Призвала Синие и вскрыла замок шпилькой. Внутри никого не было, но интуиция не подвела. Пшеничный министр и его люди недавно там спали – кто на кроватях, кто на креслах, а остальные вповалку. Какие-то тряпки свернуты на манер подушек и папиросы «Бальные» в тарелках. Местные такого не курят! Я вышла, нос в землю, а почва сухая, страсть! Короче, с первыми лучами на брюхе поползала и поняла, что они верхом добрались до речушки. И все. Смылись из города и следы свои забрали...

Эслин ссутулилась и молча принялась за еду. Это нужно было переварить. Йошима закатила глаза.

– Эй, командир, падать духом – не только бестолково, но даже и вредно! Думаю, сестрам повезло больше. А если нет – тоже пойдем по воде и в оба будем смотреть. Где-то они

себя проявят.

Эслин кивнула, не глядя. Само собой, они будут искать. Но новость поганая. Почему их враги спрятали концы в воду? Почуяли что-то? Но где она оступилась?

Иошима тоже принялась за еду и жуя, продолжила:

– Я читаю твои мысли. У тебя в глазах строки появляются. Оставь. Слушай еще. Шла вот я назад и встретила вековую каргу: стояла на обочине, язык жевала. Я давай ее расспрашивать. Она в отказ. Да-да, отряд из двадцати человек не видела. Зато решила мне байку скормить. Мол, бродит в местных лесах шаман из Изысков. Длинный и худой как шест, глаза серые как облака перед грозой. Если ты ему приглянешься, то сверкнет взглядом, оттуда молния вылетит и все. Очнешься в землянке, прикованной цепью. Там он с людьми играет, как с куклами. Ну, конечности переломает, или отравит, и смотрит, что будет. В общем, жуть.

– И за это над ним еще самосуд не устроили? – без интереса спросила Эслин. Она приподняла тяжелую длинную юбку – еще одна необходимая деталь, чтобы не привлекать внимания, и проверила небольшой пистолет в голенище сапога. Дорогуший и редкий, не потерять бы.

– Так местные выловить его никак не могут, а тамошние, из Изысков, помогать не хотят. Мол, очень он полезен против злых духов. Так что они глаза закрывают на то, чем он тут развлекается, – деловито рассказывала Иошима, методично поглощая свой завтрак.

Эслин раздраженно взглянула на Ши. Как она вообще может говорить о всякой ерунде, когда их задание и жизни людей под угрозой?

– А про цель ты спрашивала или нет? Местные должны знать, где тут храм Нитей, – строго уточнила она.

– Нет. У бабки-то язык без костей. Ты хотела, чтобы меня на вилы подняли? – Иошима изогнула тонкую бровь. – Здесь Нити запрещены также, как и во всем королевстве.

– В глубинке люди склонны хранить древние веры, – возразила Эслин, – на юге же хранят.

– Я нигде не увидела лент. У нас в горах они везде, а тут пусто. Посуди, этой дорогой проходит королевский конвой с арестантами, которых везут на северные копи. Никто не осмелился бы. При том, говорю же, тут другие верования. Духи, шаманы...

Эслин вздохнула и внутренне согласилась. Цель ближе не стала...

Хазима отправила их на поиски еще одного храма Нитей, который чудом уцелел, когда их разрушали по всему королевству в прошлом веке. Только если южный храм стал символом возрождения веры и прибежищем ткачих, то из северного еще ни один обладатель Нитей не выходил живым. Никто не знал, что там творится. Шпионки лишь доложили, что к этому имеет прямое отношение министр экономики Энтин Коэн.

Ши звала его пшеничным за золотистые волосы, торча-

щие прядками, которые напоминали колосья. Министр был светел лицом и приятен с виду, хотя называли его Тенью короля, и очень точно. Иногда Тень превосходила по размеру и влиянию саму правящую фигуру, а иногда полностью скрывалась из виду. Сейчас был именно второй случай. Энтин в сопровождении нескольких сундуков, слуг и отряда стражников уехал на север.

Из донесений шпионок стало ясно, что он называет второй уцелевший храм Нитей Учебником. Судя по всему, решил подойти к природе Нитей с научной стороны и любой ценой докопаться до принципа их крепления к человеку, даже если ради этого придется применить режущие предметы.

Они следовали за министром от самой столицы и всю дорогу бойцам сопротивления было не по себе, ведь Энтин вез с собой двух ткачих-пленниц. И они не могли прийти на помощь, пока не узнают, где же храм.

Все шло хорошо, они держали дистанцию и не вызывали подозрений охраны. Но чем дальше, тем меньше становились городки, больше расстояния, и тяжелее держать министра в поле зрения. И вот когда цель была перед носом, Энтин испарился. Отряд провалился как сквозь землю. Так кошки превратились в мышек. Эслин ободрала заусенец на большом пальце до первой костяшки. Легкая боль отвлекала ее от тревоги и помогала думать.

– О, наши! – шепнула Ши, а затем повысила голос. – Ну что, попутчики, как спалось?

– Да не шуми, – за стол рядом с ними опустилась еще одна «супружеская пара» – две Красные ткачихи.

«Супруга» принялась за доклад:

– На окраине трое крепких парней из местных охраняют здоровый амбар. Предположим, там карета. Но людей министра нет и духу, на втором постоялом дворе никто не проживает, да и вообще, будто никто их и не квартирует. Где двадцатка человек? Почему о них никто не судачит? Здесь приезд любого путника обмусолят со всех сторон. А про этих – молчок. Может, они дальше поехали верхом? Или вычислили нас и поджидают?

Второй вариант нравился Эслин даже больше. Боя она не боялась – давно хотелось. Так злило ее бездействие. Отбили бы наконец пленных. А вот если Энтин просто ускользнул, и они зря проделали путь длиной в пару месяцев... Нет, в ее планы не входит растерянно блуждать по дикой тайге!

– Все, пойдемте и вытянем из той охраны всю правду, вместе с жилами, – выплюнула она и резко встала. Кончики ее пальцев нагрелись и побагровели. Красная Нить задрожала рядом как туго натянутая струна.

Глава 4. Красная расправа

Илака, городок на севере Ангардаса

Нужный амбар стоял у самого леса. Эслин старалась не поворачиваться к деревьям спиной – тут же ей в затылок упирался чей-то тяжелый задумчивый взгляд, а по позвоночнику ледяной змеей ползла необъяснимая тревога. Проклятая Ши со своими рассказами!

Иошима ухмыльнулась, будто прочла ее мысли, затем пониже опустила козырек картуза, засунула руки в карманы широких штанов и отправилась на поиски новых следов и слухов.

За время путешествия каждая крепко усвоила свою роль в команде. Ши даже не пыталась вступать в сражения, ведь Синие Нити дарили ей внимательность, обостренное чутье и ювелирную точность движений.

Второй «муж» по имени Няяна, худая шатенка, похожая на паренька, весело воскликнула:

– Девочки, я сверху, как обычно. Свистну, если что.

Как корабельный юнга она ухватилась за Нить в воздухе, вскарабкалась по ней и заскочила на крышу ближайшего дома. С него перепрыгнула на дерево, потом, как циркачка по канату, перешла по Красной на крышу следующего строения. Только ткачихи могли разглядеть, где именно пульсирует Нить, которую она использует. Остальным бы показалось,

что ходит девушка по воздуху.

Наблюдая за Наяной, ее старшая сестра Нада вдруг тепло улыбнулась. Высокая, широкоплечая и угрюмая Нада в их квартете играла роль «жены», потому что наотрез отказалась переодеваться и кривляться. Хотя как раз ей бы не составило труда сыграть хмурого разнорабочего. Эслин недолюбливала ее за тяжелый характер, но ценила за преданность делу и близким. Девушки часто работали в паре, вот и на допрос отправились вместе.

– Сперва просто поговорим!

– Как скажешь. Только без меня, а то испорчу все, – равнодушно отозвалась Нада.

Возле амбара из темных отсыревших досок на перевернутых ящиках сидели трое охранников. Они щелкали семечки и играли в карты. Неподалеку лежало оружие: охотничье ружье, топор и вилы. Девушки обошли амбар стороной, затем побежали к нему со стороны леса:

– Эй, господа! – нежно пропела Эслин и помахала рукой.

Три пары глаз немедленно обратились к ней.

– Мы тут проездом у вас, остановились отдохнуть на пару дней. Пошли вот в лесу прогуляться, а там... – взволнованно продолжала Эслин, – кабан в яму угодил! Совсем недалеко отсюда!

Как она и ожидала, охранники расслабились. Один широко улыбнулся, другой злобно глянул исподлобья и оглядел ее с кривой миной на лице, а третий безразлично вернулся

к картам. Эслин мысленно раздала им прозвища: ее Фаворит, мерзкий Ревизор и безликий Тишь. Хорошо, что изнеженные гости тут не в диковинку, хоть и вызывают толки. Через этот городок проезжали на север не только конвоиры с заключенными. С женами и дочерьми в Изыски стремились ученые, географы, писатели с художниками и инженеры. В общем, отважные искатели приключений, новизны и сложной работы.

– Кабан – это хорошо, – оживился Фаворит. – Пойдите к охотнику, его дом с зелеными ставнями, вон там.

– Так вот же ружье у вас. Чего сами не сходите?

– А нам нельзя уходить, мы сторожим, – развел он руками.

– А, ворон гоняете? – усмехнулась Эслин, присаживаясь на свободный ящик рядом.

– Ну уж, – шутливо возмутился Фаворит. – Но работенка непыльная, да и заплатили хорошо.

– Небось, не местные расщедрились, – ткачиха заглянула в его карты. – Ходи десяткой. Иначе бы просто замок повесили и пошли. И что же в том амбаре ценного?

– Трепаться не велено, – обрубил Ревизор, недовольно загребая десятку и мелкие карты в придачу. – Шли бы вы отсюда, дамочки.

– А то что? Заказчик вернется и рассердится? – Эслин хлопала ресницами, упорно обращаясь к Фавориту. – Кстати, когда освободитесь? Бывают у вас тут танцы, или что?

– Как же! Бывают гуляния, как положено, – оживился па-

рень. – Мы вот тут до вечера, потом сменимся и свободны что птицы. А вы сами до когда здесь? С кем приехали?

Нада, которая стояла рядом со скрещенными руками, закатила глаза и фыркнула. Эслин метнула в нее недовольный взгляд и продолжила:

– А что, много платят? Ты смотри, еще вооружились. Интересно, жуть. Что же вам за наказ дали, от кого отбиваться?

– Коли в дороге скука одолела, вечером на базар приходите языками чесать, – Ревизор ткнул Фаворита в плечо. – Идите, дамочки. Вас, небось, папенька разыскивает.

Эслин обреченно вздохнула, кивнула соратнице и мило улыбнулась своему избраннику. Затем встала, собрала все раздражение и беспокойство в ладонях, и призвала Красную Нить, которая трепетала совсем неподалеку.

Буйная неуправляемая сила послушно легла в руку. Эслин умиротворенно выдохнула. С Красной она чувствовала себя решительной и несокрушимой, хозяйкой положения. Так, с кого начать? Ружье возле второго, хмурого, что ж...

– А у тебя что на руках? Покажи карты.

Он заподозрил неладное и попытался ее оттолкнуть, но поздно. Отточенное движение, и Нить вгрызлась в горло Ревизора. Теперь натянуть покрепче, пнув ногой ружье. Вдохнуть запах паленой кожи – Красные жгутся. Немного подождать. Готово. Тело грузно рухнуло с ящиков.

Бледный Фаворит было заорал, но Нада быстро оборвала крик, зааркавив парня. Третий, молчаливый, не растерялся и

бросился с вилами на Эслин. Она ловко отпрыгнула и откатилась. Оставив Фаворита задыхаться на земле, Нада превратила Нить в обжигающий хлыст и с размаху опустила его на Тишь. Орудие ткачихи не просто вспоролу кожу – прожгло и мясо до кости. Он издал короткий рев, но девушки споро прижали раненого к земле, заткнули рот и связали его заранее заготовленными веревками. Фаворит, что катался позади них, потерял сознание. Эслин неодобрительно глянула на Наду. Та пожалала плечами. За спиной раздался глухой скрежет.

– Мы зададим пару вопросов, – Эслин холодно оповестила Тишь, быстро оглядываясь.

Из-за амбара показалась встревоженная Няяна. Она осмотрела двух мужчин без сознания и раненого.

– Вижу, вы в порядке. Крики были слышны, но короткие, так что все ровно. На ближней улице лишь окна задернули, да одна женщина выглянула. Буду настороже.

Она проворно исчезла.

– Не дергайся и не кричи, не то умрешь. Кто вам приказал сторожить сарай? – четко проговаривая каждое слово, произнесла Эслин.

На всякий случай, она показала Красную нить в руке – та вспыхнула и слабый отсвет на миг озарил лицо охранника. Тишь не проронил ни слова. Ну же! Ей совсем не хотелось затягивать это. Беспокорство нарастало как неотвратимо закипающая вода, хотя прямых причин для него не было. На-

да стояла рядом, тоже хмурилась и оглядывалась. Да говори, олух несчастный! Только не поднимай шум, лишние смерти точно не нужны.

– Вы умрете. Абасы⁴ уже идут за вами, – наконец прохрипел он.

– Кто-кто? – раздраженно уточнила Нада.

– Злые духи. Пожрут твою душу, – с нажимом выговорил Тишь, смакуя каждое слово.

Эслин нахмурилась, а Нада хохотнула:

– Ах, так ты с ними неплохо ладишь?

– Зачем так говоришь? – Тишь заметно передернуло. – Они чувствуют кровь как клыкастые, и скоро придут пировать.

Нада нашла его замогильный тон очень забавным. Она разразилась беззвучным смехом, трясясь и подталкивая невозмутимую Эслин локтем.

– Слышала? Ду-у-ухи. Да ты на рожу его глянь, вот умора. И правда верит же!

– Может духи и есть, – отстранилась от напарницы Эслин. – Но от твари из другого мира ты добра и не ждешь. А вот когда для людей нет ничего святого – это меня и пугает до трясучки. Кстати, оба твоих товарища живы. Но мы не побоимся прогневать ваших абасы, если ты не ответишь. Сейчас же.

Тишь все еще молчал. Эслин показалось, что еще немного, и кипящий гнев вырвется наружу громадным обжигаю-

⁴ Абасы или абаасы – злые духи в якутской мифологии.

щим пузырем с паром. Нада оттеснила ее.

– Дай-ка я с ним поговорю.

– Да не знаю кто! Мужик какой-то. Не местный, – злобно выпалил их пленник.

– Один был? А в сарае что? – подались вперед ткачихи.

– Один! Не знаю, не со мной сговаривались! Я к закрытому пришел!

– Открыть можешь? – почти прорычала Эслин.

– Да нет ключа у меня, – заорал Тишь, плюясь. – Стеречь поставили! Хоть убейте, а не знаю ничего!

– Всему свое время, – мрачно пообещала Нада. – Вспоминай пока любые детали. Сколько стеречь наказали?

Эслин подошла к крупному замку на дверях амбара. Жаль, что Ши нет – вскрывает так, что и глазом моргнуть не успеешь. Ткачиха приложила ухо к двери амбара. Тихо. Что ж, в лучшем случае там будет карета, а не мешки с зерном. Но что им это даст? Ладно, все ответы находятся в одном шаге, как бы поудачнее его сделать... Расплавить замок можно по-тихому, но это займет какое-то время. Эслин задумчиво обернулась на топор и тут увидела, как Нада ласково, почти по-матерински, уложила Тишь на землю.

– Ты что наделала? – прошипела Эслин.

– А ты хотела отпустить? После того, что он видел? – Нада встала и деловито подняла с земли ружье.

– Дубина! Не смей больше думать без приказа, – взорвалась Эслин. – Мы не будем избавляться от каждого, кто ви-

дел нашу силу! В кого превратимся?! Вывести из строя было достаточно.

– Ты права, – спокойно откликнулась Нада. – Надо было довести до леса, чтобы там тело спрятать. Куда его теперь девать?

Эслин в ярости пнула топор. В ладони вспыхнула Нить и послушно выпрямилась в раскаленное копьё. Жар, исходивший от него, владелицей не ощущался, а вот Нада почтительно отступила на несколько шагов. Эслин сжала зубы и остервенело вонзила оружие в дверь. Дерево задымилось и стремительно начало чернеть. Перегоревшие куски ткачиха выбивала копьём, и вскоре в дверях появилось отверстие.

– Ну ты всю дверь не колошмать, иди по кругу, чтобы замок выбить, – тихо подсказала Нада.

– Я так и делаю! – процедила Эслин. – Лучше первых двух свяжи пока.

Еще раз бросив взгляд на мертвого Тишь, она с досадой отвернулась и пнула ногой замок. Обугленное дерево вокруг него треснуло. Еще удар. Вдруг позади раздались чьи-то шаги и сдавленный всхлип Нады. Эслин быстро обернулась с копьём наготове, и сама пропустила вдох.

Они! Хоть ткачихи и держались в тени, но внимательно следили за людьми министра и запомнили в лицо каждого. Всего-навсего двое, но они вели между собой бледную и напряженную Няяну в кандалах. К ее боку приставили ее же пистолет.

Страх за подругу быстро сменился яростью, мысли обрели ясность, мышцы напряглись. Так, это ничего. Прямо сейчас Красные нападут вдвоем, малышка – стреляный воробей, сумеет увернуться от ножа и боевых Нитей. Но тут Эслин взгляделась в лицо подруги и поняла, что та совершенно отчетливо мотает головой. Отчаяние в ее глазах было настолько осязаемым, что стальной рукой стиснуло горло ткачихи. Эслин отступила на шаг. Что-то не так. С двумя Наяна легко бы разделалась...

– Бегите! – выдавила Наяна, с трудом сдерживая слезы. – Прошу!

– Только троньте ее! – взревела Нада и навела ружье охранника на гвардейцев.

Те остановились. Вдруг дверь амбара распахнулась изнутри, и Красные подскочили от неожиданности. Внутри стояло человек пять, и все держали их на прицеле. А в глубине... Те самые пленные ткачихи, еще живые, но с мертвыми пустыми взглядами сидели на земле, опираясь лбом на дула ружей.

Раздвинув своих людей, вперед вышел сам пшеничный министр, Энтин Коэн. Он приветливо помахал кому-то впереди. Со стороны леса к ним подходили остатки его отряда. Теперь все в сборе...

Нада все еще переводила ружье с одного гвардейца на другого, тогда как Эслин трезво оценила обстановку и опустила руки. Нет, это не конец! Может, так даже лучше... Пусть их свяжут и повезут в тот Храм. В пути их догонит Ши и помо-

жет освободиться. И уж тогда...

Бывшая сатри гордо вскинула голову и посмотрела прямо в глаза Энтину. Министр точно переступил третий десяток, но вблизи выглядел моложе. Несправедливо, что такому хладнокровному и расчетливому человеку досталась такая располагающая внешность. И удивительно, что его жестокость никак не отразилась в лице. Эслин перевела взгляд с морщинок в уголках его светлых глаз на рубаху: в центре груди красовался человек, намотавший на руку окончание радуги. Он тут же заметил это и погладил вышивку.

– Вам нравится, Эслин? Я сам это вышил. Я люблю вышивать и немного подслушивать, – добродушно рассмеялся Энтин. – Кстати, спасибо, что открыли. Мы могли и сбоку выйти, там доски сдвигаются, но так удобнее, конечно.

– Откуда вы знаете мое имя? – опешила она.

– О, мне известны паучихи, что водятся в горах, – подмигнул он. – Захотелось понять, что вы про нас знаете. К счастью, расположение Лоскута для вас осталось тайной. Это хорошо. Я уже думал, что придется пропустить дам вперед и напасть со спины.

– Лоскут? То есть Учебник? – нахмурилась Эслин.

– Ах да. Учебник. Хм, дайте мне минутку, – Энтин рассеянно почесал подбородок. – Кому же я мог обмолвиться о храме именно так? Это существенно сузит круг подозреваемых в шпионаже.

Желудок ухнул вниз, и Эслин прикусила себе губу за то,

что не догадалась скрыть удивление. С ним надо держать ухо востро, но продолжать говорить, пока он расположен к общению.

– Что с нами будет?

Задав вопрос, ткачиха постаралась расслабиться, моргнула и едва заметно шевельнула пальцами. У нее ведь есть и еще один козырь в рукаве. Зеленая Нить Истинных Эмоций незримой змейкой поползла к людям министра. Она скользнула мимо мерзкого бритоголового начальника охраны, зацепив его хвостом. Ничего? Сердце застучало быстрее. Быть не может. Вокруг Энтина Нить обползла дважды и не обнаружила иного, чем пустота. Зеленая растерянно опала. Очевидно, удивление отразилось в глазах Эслин, так как министр опять весело рассмеялся.

– Дитя, неужели ты думаешь, что я не слышал про такую талантливую во всех отношениях девушку? Она и в налетах участвует, и бьет окна парламента и даже кропает стишки о свободах женщин. Я читал, и я аплодировал стоя, пусть ты и не видела. Останься ты при этом сатри, без раздумий выкупил бы тебя на весь сезон. Но ты паучиха. Причем владеешь и Красными, и Зелеными, и так активна в сопротивлении, что с тобой и не пообщаешься так просто. Нет, честно, я и не ожидал, что Хазима отпустит тебя сюда. Разве это не беспечно? – Энтин взглянул в глаза своему капитану, как бы призывая его присоединиться к удивлению. – Ну что ж, прекрасный день, удачный час. Я приглашаю вас в Лоскут,

мои ниточки. Только ведите себя хорошо! Мне жаль столь ценный материал, но и ставки высоки – парочкой могу поступиться.

Пока он говорил, Эслин лихорадочно пробовала призвать в руку Боевую Нить. Но Красная, что еще недавно с готовностью помогала ей выжигать дверь амбара, теперь не откликнулась. Кожа покрылась броней из мурашек, где-то в затылке защекотало. Взгляд метнулся к малышке Наяне. Та, беззвучно глотая слезы, проговорила:

– У них что-то есть. Я не могу видеть Нити. Простите, я не смогла... Лучше пойти по-хорошему.

– Сейчас здесь вы не найдете Красных, а против Зеленых у меня и Офера кое-что есть, – удовлетворенно кивнул Энтин. – Как же преступно мало вы знаете о природе Нитей...

Ощущая, что желудок набит камнями, а во рту у нее жирная склизкая жаба, Эслин протянула руки гвардейцу. Что ж, еще ничего не потеряно. Йошима обязательно поможет. Она обернулась, чтобы кивнуть Наде и вдруг прочла в ее глазах такое, отчего внутри разорвалось пушечное ядро и понимание того, что сейчас произойдет, раскидало внутренности по стенкам.

В тот же миг Нада выстрелила в того, кто держал пистолет у бока ее сестры. Гвардеец упал. А следом упала и сама Нада – под грохот ружей на ее голове расплылись багровые кляксы. С криком раненого зверя Наяна рванула за стену амбара, гвардейцы бросились за ней. Эслин же успела упасть на

землю, выхватила из сапога свой пистолет и направила себе в висок.

– Не стреляйте в них! – выкрикнула она, указывая на ткачих в амбаре. – И не преследуйте Наяну! Тогда я пойду с вами.

Энтин, которого втолкнули внутрь, показался вновь и успокаивающе приложил палец к губам.

– Тише, милая. Как неудачно началось наше личное знакомство! Мы обязательно начнем заново. Стража, опустить ружья! И ты опусти, Эслин. Я все равно никого не освобожу. Да и ты в себя не выстрелишь. Но обещаю, что мы вас не убьем и будем обращаться с большим уважением. Каждая из вас – на вес золота.

– Пожалуй, вы правы, министр, – смиренно согласилась Эслин.

Затем резко подняла руку и выстрелила в Энтина. Проклятый начальник охраны, которого называли Офером, вновь толкнул господина и поймал пулю бывшей сатри плечом. К сожалению, реакцию министра увидеть не удалось. Удар по голове. Вспышка в глазах. Резкая непомерно тяжелая боль навалилась на бесполезную ткачиху и утащила в избавительную тьму.

Глава 5. Вы не слышали о Нитях?

Талви, столица региона Изыски на севере Ангардаса

– Рюмку крови, – приказал Нэвлис подавальщице, сбросил синий плащ с серебряной тесьмой и по-хозяйски огляделся.

Фальшивое северное лето подошло к концу, но в трактире былолюдно. В городе все еще оставались солдаты, отпущенные в сезон на вольные работы. Они сдвинули три стола и отдыхали за пивом и партией в карты. Рядом ужинала и весело обсуждала наценки компания торгашей – эти уплывут с товаром в столицу уже со дня на день, пока навигация не закрылась.

Гул в зале мерно разбивал звук спускаемой тетивы – какой-то бородатый рабочий увлеченно тянул струны «журавля»⁵. Нэвлис бросил ему на стол монету и лениво двинулся в самый угол. Там, пряча глаза под козырьком картуза, сидела прехорошенькая блондинка в мужском кафтане. Что-то новенькое.

– Какими судьбами в нашем краю, госпожа? – он шаркнул стулом, она вскинула недобрый взгляд, и вдруг ее глаза расширились, а губы разомкнулись.

⁵ «Журавль» – щипковый музыкальный инструмент хантов и манси, по сути – арфа.

– Вы, случайно, не слышали о Нитях? – спросила девушка с такой затаенной надеждой в голосе, что Нэвлис на миг опешил.

– Встречалось что-то в старой книге, – он заглянул в кладовую непригодных воспоминаний, бегло огляделся и выудил нужные знания. – Поклонники этой веры считали, что Нити разных цветов составляют основу нашего мира и связывают между собой людей, предметы, места, прошлое и будущее. А каждая ткачиха может переплестать основу с тем цветом, что ей дарован, нарушая естественный ход вещей и внося опасную сумятицу. Это и все, что мне известно. Теперь служение Нитям запрещено во благо людей.

– Да-да, – блондинка с досадой поморщилась. – Я не так спросила. Знаете ли вы кого-то здесь, кто ими интересуется?

Нэвлис непонимающе покачал головой, но девушка не сдавалась.

– Попробуем иначе. Вы местный. Слышали что-то о заброшенном храме неподалеку от вас? Довольно крупное строение, возможно, полуразрушенное, – не видя никакого отклика от Нэвлиса, она вся подалась вперед. – Возможно, оно слывет проклятым, необитаемым. Возможно, овеяно пугающими слухами. Расскажите мне. Что насчет легенд, связанных со странными местами? Пусть не прямо в Изысках, а чуть южнее, но не далее Илаки.

– Почему вы спрашиваете? И как вас зовут? – Нэвлису принесли багряно-черную жидкость в стеклянной рюмке.

– Иошима. А вас? И что пьете? – покосилась его собеседница.

– А на что похоже? – он залпом проглотил густую соленую жидкость, приправленную горькими травами. – Кровь оленья полезна для человека. Наполняет силой животного, дарит частицу его души. Я – Нэвлис.

– Удивительно, – безучастно проговорила Иошима и вновь оживилась. – Ну, так что? Я точно знаю, что вы мне можете чем-то помочь! Нутром чую. И дело не в том, что вы, очевидно, из местной знати.

– Потихе, сейчас подумаем, – заверил ее Нэвлис и расслабленно потянулся. – Как вы насчет чая с медом?

– Не откажусь от табака.

Нэвлис приподнял брови, но подозвал трактирщика и попросил раздобыть. Его необычная знакомая наполнила нюхательным порошком свою маленькую табакерку и с явным удовольствием вдохнула.

– Вас это не красит, – припечатал он с неодобрением. – На большой земле теперь так модно?

– Прошу, говорите. Храм, запретные места, легенды, Нити, – напомнила Иошима.

Нэвлис откинулся на стул и быстро пересказал привычную историю про дух Гнева. Там шла речь о месте силы, которое выбрал отец Дархана для обряда. Сейчас оно как раз слыло проклятым:

– ... теперь Уоюр и его слуги серьезно вредят нашему на-

роду. Тотем с тех пор никто не видел. Считается, что дух Гнева заточен в нем и для того, чтобы прекратить все беды, нужно отыскать его и уничтожить.

– Нет, не подходит. Совсем не то. Есть что-то еще? Возможно, вы знаете охотников, которые промышляют чуть южнее, в тайге? – Иошима нахмурилась и внимательно оглядела публику в заведении.

– Ни разу не слышал здесь ни о храме, ни о здании на него похожем, ни о Нитях, – покачал головой Нэвлис, ощущая легкое раздражение от того, что девушка совсем не оценила его талант рассказчика. – Охотников знаю, но сводить вас с ними не настроен.

Блондинка деловито кивнула, нагнулась, стянула сапог и вскоре звякнула об стол золотым перстнем с печаткой. Нэвлис скрестил руки на груди. Иошима вздохнула, огляделась и придвинулась к нему, чтобы горячо зашептать:

– Нэвлис, это вопрос жизни и смерти близких мне людей! Мне позарез нужен этот Храм. Я уже потеряла счет времени, блуждая по лесам и селам. Мои вера и сила на исходе. Возьмите кольцо и найдите охотников, которые знают тайгу. Я буду рада любым сведениям. Храм посещают. Он не мог остаться незамеченным!

Дверь заведения открылась. Незваными гостями в проем проникли вечерний воздух, дорожная пыль и высокая фигура в черном плаще. Шум стих словно по щелчку пальцев. Весь зал взглядом проводил прибывшего прямоком до сто-

лика Нэвлиса. Затем жизнь в заведении отмерла, и звуки вновь взвились под потолок.

– Это же он! – вдруг воскликнула Иошима.

– Это же я, – бесстрастно согласился Дархан, приказал принести ему жаркое с пивом и дежурно оскалился. – Не помешал?

– Даже удачно прибыл как картинка к моей истории, – кивнул Нэвлис. Появление Дара подарило ему спокойствие и удовлетворение, которое ощущает хозяин, у ног которого привычно расположился огромный сторожевой пес. – Погодите, милая дама. Я ведь не говорил, как выглядит шаман. Тоже ваше чутье?

– Нет, мне рассказали в паре деревень про знахаря, который калечит людей. В Большом Яре последний раз.

– Да, местные парни меня обожают, – сухо подтвердил Дар. – Про дорогу, вымощенную костями, упоминали? Затеяники. Я даже и впрямь подумываю воплотить.

– Мне плевать. Скажите, северный храм Нитей видели? Вы как раз в тех местах и бродите, судя, по рассказам, – Иошима уперлась в него взглядом.

– В их воображении, я прямо-таки у них живу. Но на деле бываю куда реже, и только чтобы набрать жабьей травы, водяного перца, и еще кое-чего. Не знаю, не слышал, – он методично принялся поглощать пищу.

Иошима приложила ладони к лицу и сильно потерла.

– Я слышала, колдуны при помощи карты и маятника мо-

гут искать предметы. А вы способны на нечто подобное? Я заплачу!

– Не занимаюсь этим, – зевнул шаман. – Корбу может, но она Верховная и к ней очередь.

– Насколько я знаю, нашей шаманке еще понадобится какой-то предмет из искомого места, – добавил Нэвлис. – Духам бывает трудно объяснить на словах.

Девушка опустила руки и уставилась в угол. В ее бездонных прорубях-глазах блеснули слезы, и верхняя губа не очень женственно задралась, на миг обнажая оскал. Эта бессильная ярость тронула Нэвлиса, и он смилостивился.

– Ладно, насчет охотников – я помогу просто так. Заберите перстень, моя дорогая, он вам пригодится. Где вы остановились? Здесь наверху?

– Да, – устало кивнула Йошима и обреченно забормотала себе под нос. – Небесная мать, ну почему не я там оказалась... Ничтожество! И как теперь поступить? Остаться тут, искать и надеяться? А если и найду, что я сделаю в одиночку? Или вернуться в столицу, где от меня больше пользы?

– Мне будет приятно, если вы останетесь. А коли хотите уехать, то стоит решать быстрее – еще немного и течение принесет с севера крепкие льдины и затруднит путь кораблям. А морем путешествовать быстрее и удобнее, чем верхом, – подсказал Лис.

– Пожалуй, – подумав, согласилась блондинка. – Меня отчетливо ведет домой, хоть и покидать север одной так боль-

но и стыдно... Придется оставить здесь душу и честь.

Она положила руки на стол и тяжело уронила на них лоб. Мужчины переглянулись.

– Таков путь, – пожал плечами Дар и выпил пива.

Нэвлис покровительственно положил руку на ее локоток. Было неприятно находится в обществе столь красивой и столь удрученной женщины. Не он ли в Изысках хозяин? Разумеется, в его силах ей помочь и будет жестокостью этого не сделать.

– Ну же, дорогая. Вы не из тех, кто сдается так просто, верно? Я уже сказал, что поищу нужных людей, а еще оплачу ваше возвращение на корабле, идет?

– И зачем это вам? – хмуро подняла глаза Иошима.

– Бросьте. Уверен, вы знаете, что мужчинам бывает приятно щегольнуть щедростью, когда все к этому располагает, – промурлыкал Нэвлис. – Я не обеднею, а только стану богаче, если увижу вашу улыбку.

Иошима вымученно улыбнулась и теплыми губами оставила печать на щеке Нэвлиса, подтверждая свое согласие. Приятное щекочущее ощущение осталось и тогда, когда она отстранилась.

– Хочу вас предостеречь, – вдруг строго прошептала ему блондинка. – Не рассказывайте больше приезжим легенду о вашем друге. Поберегитесь.

– Вы про запрет на иноверие? Этого я опасюсь меньше всего. У нас тут, сами видите, свое королевство, да и вы не

сколько-нибудь известное государственное лицо, – Нэвлис лениво отмахнулся и расслабленно завел руки за голову.

– Зря не опасаетесь. Вы не представляете, как далеко простирается власть Тортура. Кроме того, вы явно не для меня старались, – Йошима доверительно наклонилась к нему, словно намекала на какой-то секрет, доступный только им двоим.

Она бросила свое неуместное предположение так уверенно и спокойно, будто оно было истиной, и раздражение Нэвлиса взметнулось вверх обжигающей и шипящей струей гейзера. Предостерегает его. Пугает королем. Сует нос не в свое дело. Кем она себя возомнила? С чего решила, что ей дозволено озвучивать глупые выводы о нем?

– А для кого я старался, по-вашему? – вкрадчиво осведомился он, приподняв бровь.

– Ну, – Йошима ненадолго задумалась, словно решала, стоит ли лезть на рожон, но все же продолжила. – Для себя. Вы говорили с видимым удовольствием, смакуя детали. Мне кажется, вас возмущает непричастность к иному миру. Другие избегают непостижимых сил или покоряются им, а вы словно хотите приобщиться и натянуть на себя этот загадочный ореол. Но как это сделать? Говорить. Свободно и расслабленно. Будто это простая забавная история. Ибо в молчании страх и благоговение. Я вас даже понимаю, но не хочу, чтобы из-за своего каприза вы попали в неприятности.

– О чем она говорила? – недовольно спросил Дар, когда

девушка их покинула. – Моржовый... рог тебе в рот, Лис. Снова травишь байки про меня?

– Однажды я прикажу отрезать тебе язык и бросить псам. Но есть такую погань они не захотят, – сердито отчеканил Нэвлис, раздувая ноздри от гнева. – Если и травлю, тебе какое дело? Это не твоя фамильная тайна, а значимая трагедия всего края. Тем более, это могло ей сильно помочь.

– И тем более, ты известный меценат. Ну да, ну да, – хмыкнул Дар. – Тогда и заплати заодно за мой ужин.

Он встал, вернул себя под покров накидки и произнес из убежища уже тише и проще:

– Непростой день. Скорей бы домой и забыться. Давненько не навещал кое-кого в Нижнем мире.

– Забыться? Тебе? Роскошь, – нахмурился Лис. – Хочешь навестить жертв?

Но Дархан уже хлопнул дверью. Лис задумчиво провел руками по столу, разглядывая кольца из платины на пальцах. Уже который год на восходе осени его охватывало беспокойство и застревало костью в горле, когда княжий сын оставался один. Скоро жизнь в Изысках замедлится и свернется в клубок. Черную сухую землю, едва увидевшую солнце, вновь погребет под неподъемной плитой из сбитого снега, а над сопками и тундрой воцарятся непредсказуемые абасы. Среди беспощадного мрака, мороза и безумства духов, вместе с другими обреченными, ему придется поддерживать слабый огонек безбедной жизни, способный лишь едва обогреть тех,

кто подойдет вплотную.

Как гагара, которой, забавы ради, перерезали крылья, он остается в Изысках не по своей воле. Ему бы подняться в воздух, и во главе стаи лететь на зимовку. Плыть вместе с суетливыми торговцами и прекрасной Иошимой в столицу. Оценить, как все устроено, познакомиться с блистательными умами королевства. Решить вопрос с огромными налогами на переработку платины и непосильным объемом ее поставок ко двору.

Нэвлис посмотрел в окно на ряд двухэтажных каменных домов. Полюбовался мозаикой, что украшали их фасады. Кусочки минералов синего и зеленого цветов вместе со звездами из платины изображали ночное небо. Конечно, он любил Изыски и Талви. С самого детства его приучали направлять свои таланты и энергию на пользу краю и его людям. И скучать здесь точно не приходилось – забот хватало. Но все же это выглядело так, будто он суетливо бежит вперед на тонких ножках птицы вместо того, чтобы расправить сильные крылья и покрыть одним махом втрое большее расстояние. Его место при дворе! Только там он сможет раскрыться в полной мере, оттуда сможет больше сделать для родины. Что он все еще делает здесь? Почему снова провожает других к истокам жизни? Кажется, не только из-за отца и долга единственного наследника. Не только из-за потребности в нем и заслуженного уважения окружающих.

Нэвлис прислушался к себе и ощутил внутри сомнение,

похожее на кусок гниющего мяса, облепленного личинками слепня. А если не выйдет занять достойное и ожидаемое положение? Плечи передергивало от мысли, что придется довольствоваться малым или вернуться домой с позором. Нет, это не для него. Его путь: преуспеть или умереть. Или... ничего пока не менять.

Нэвлис вздохнул, заплатил за ужин и пообещал себе найти приятную компанию на вечер, чтобы хорошенько отвлечься от тягостных мыслей.

Глава 6. Три пользы

Талви, столица региона Изыски на севере Ангардаса

Утро встретило Нэвлиса в чужой комнате отчего дома. Он лениво потянулся, пробежался глазами по стенам в поисках часов и резко приподнялся. Испытание нового шамана начнется в полдень, а значит, на сборы и дорогу остается меньше часа. Без него не начнут, но все же стоит поторопиться.

Нэвлис осторожно перелез через дочку химика и подобрал с пола одежду – светлую сорочку с жабо, шерстяные штаны и элегантный в своей простоте изумрудный камзол, щедро расшитый золотой нитью. Оделся, нашел зеркало на стене и поправил на лацкане брошь – полярную лисицу из платины на янтарном камне. Холеный блондин в отражении довольно прищурился и провел рукой по длинным волосам.

Лида застала его на пороге. В свете дня она потеряла манящую притягательность – теперь лицо сердечком и кукольные глаза с длинными ресницами раздражали. Нет, все же она мало напоминала ту, что на днях уплыла в Оспари. Охотники, которых он нашел для Йошимы, ничем не смогли помочь, и девушка стояла на борту корабля с таким мрачным лицом, словно отправлялась в последний путь. Но все же что-то ее удерживало от беспросветного горя. К чему-то она стремилась и цель свою видела ясно, судя по взгляду – как

клинок она вонзила его в определенную точку на линии горизонта. «С таким лицом думают о мести» – предположил Нэвлис.

Перед тем как взойти по трапу, Йошима еще раз сухо поблагодарила его и более не искала взглядом, будто он был всего лишь ровной и удобной ступенькой на лестнице, ведущей к желаемому. Это так дико его разозлило, что накрепко врезалось в память мелкой занозой, которая не особо мешает, но не дается и раздражает самим фактом присутствия в коже. Нужно было повременить с помощью и посмотреть, что тогда предпримет эта таинственная любительница табака. Отчаялась бы покрепче – ценила бы оказанную услугу посильнее! Ну что ж, уже не важно. Теперь перед ним стояла ее жалкая копия.

– Сопроводишь меня на испытание? – девица старалась держаться уверенно, но отчаянный страх в глазах выдавал ее с головой.

– Что ты милая, это очень опасно, – безразлично ответил Нэвлис. – Что я скажу твоему отцу, если с тобой что-то случится?

– Ты собираешься поговорить с моим отцом? – она порывисто прижала руки к груди и приоткрыла рот.

– Конечно. Вечером он отправится со мной и наместником на торговую встречу. Химики из Индигира должны снабдить нас «королевской водой»⁶ по приятной цене. Твой

⁶ «Королевская вода» – смесь кислот, способная растворять золото и платину.

отец окажет нам любезность и поведаст о нюансах применения смеси.

– Но... Мы ведь завтра утром уплываем на последнем корабле... – ее глаза посерели, словно огни, вспыхнувшие в них, потухли и зачадили. – Я думала, ты попросишь моей руки.

Нэвлис на миг отвернулся, чтобы вернуть хладнокровие, затем сжал ее пальцы в своих, и процедил:

– Любовь моя, но ведь я говорил, что не могу дать тебе большего, чем восхищение и тепло души. Я не могу обречь тебя на прозябание в вечной мерзлоте. Тебе суждено купаться в роскоши при дворе короля и стать самой большой радостью в жизни достойного и семейного человека. Я попросту не гожусь на эту роль, и лучше пушу себе пулю в лоб, чем перечеркну твоё счастливое будущее.

Лида всхлипнула, и Нэвлис тут же поставил точку, не дожидаясь омерзительной и банальной истерики:

– Я представляю, что ты хочешь сказать, и сердце от этого разрывается в клочья. Молчи! Иначе мы полетим в пропасть вместе. Ты благоразумна, мой ангел. Не удерживай. Дай сохранить в памяти твой светлый и возвышенный образ. Не нужно сцен.

Он хлопнул дверью, бросил монетку слуге, который выходил с охапкой белья из соседней комнаты, и скатился по лестнице. На улице решил не ждать экипаж, а пешком прой-

тись до Театральной площади, где проходили все городские праздники и собрания. Нет, все же надо намекнуть отцу Лиды, что девушка в него безответно и безосновательно влюбилась, и лучше бы поскорее ее пристроить, пока не выкинула чего-нибудь. Так химик хотя бы будет к ней внимательнее и сам будет пресекать любые разговоры о северянине.

Нэвлис вышел на перекресток и пропустил элегантную повозку, которую тянула четверка оленей с цветной упряжью. Пассажиры саней узнали княжьего сына и почтительно склонили головы. Он ответил дежурной полуулыбкой. Остановившись, заметил плакат из единственной в городе типографии. Сверху в центре листа красовался бубен, а дальше шел лаконичный текст:

«ТРИ ПОЛЬЗЫ. КАМ. ПОЛДЕНЬ».

Жители Талви не нуждались в пояснениях. Плакат приглашал их на открытые испытания нового шамана, который желал законно практиковать в городе. Испытание заключалось в том, чтобы публично совершить три полезных дела. В случае успеха люди могли обратиться к новичку относительно без опаски. Относительно – потому, что ремесло собеседника духов накладывало серьезный отпечаток на характер человека. Нэвлис ни разу не встречал еще сильного шамана, который был бы при этом стоворчивым и приятным в общении. Однако каждый отличался от другого. Каким же

будет этот Кам, сегодняшней испытываемый?

Еще на подходе к площади Нэвлис увидел густую гудящую толпу и раздраженно нахмурил брови. Слишком у многих любопытство побороло страх. К счастью, словно из-под земли, рядом вырос Сармик и избавил его от необходимости пробиваться в центр.

– Эй, пропустите господина Нэвлиса! Дорогу! – задорно заорал молодой шаман с двумя по-девичьи тонкими черными косами и узкими медовыми глазами. Он схватил кого-то за локоть и резко дернул в сторону, другого зеваку уверенно толкнул в плечо. Обиженные было горожане, натыкались на хищную вызывающую улыбку Сармика и молча потирали ушибленные места. А заметив Нэвлиса, они отодвигали в сторону своих соседей. Постепенно в толпе открылся узкий коридор, по которому княжеский сын и задорный шаман прошли в центр. Из театра вытащили ряд деревянных кресел с темно-синей обивкой. Часть мест уже заняли члены первого круга. В древние времена уважаемых людей всегда пропускали ближе к огню и пище – они составляли первый круг у костра, отсюда и пошло такое название местного совета.

Богатые дельцы из самого Талви и соседнего портового города Калари оживленно обменивались новостями на своих местах. Старая верховная шаманка Корбу успела задремать сидя. Один из ученых расчерчивал в блокноте табличку, готовясь заносить туда свои наблюдения. Наместника и князя дела заставили пропустить яркое событие, а горделивая

шаманка Майма нарочно оставила без внимания появление в городе новичка. Легендарный Дархан старался не показываться в людных местах без крайней нужды, зато жадный до впечатлений Сармик не пропускал ни одного столпотворения. Он плюхнулся на кресло справа от Нэвлиса, и оба принялись разглядывать испытуемого – мужчину с внешностью могучего китобоя. Он смотрелся довольно сурово с короткими волосами ржавого оттенка, колючей щетиной и узкими глазами цвета пасмурного неба.

Кам неподвижно стоял в центре площади с безразличным видом, но люди все же держались на приличном расстоянии от мужчины, в чем спокойствию сквозила угроза. Нэвлис отметил, что шаман безоружен и одет в простую походную одежду серого цвета с множеством карманов. На род его занятий отдаленно намекало только металлическое кольцо в носу и резной деревянный футляр для варгана, висящий на шее.

– И что тебе не сиделось в Калари, Кам? – резко и без приветствия начал Нэвлис, вольготно устроившись в кресле.

Толпа затихла.

– Долгая история, господин, давай сразу к делу, – не пожелал откровенничать Кам.

– Мы для того и собрались, чтобы узнать тебя поближе. Рассказывай, где родился, когда переболел, – отмел возражения Нэвлис.

Он много слышал о том, как шаманская болезнь настигала

человека. Снаружи это выглядело как беспричинное недомогание – у кого недельная горячка, а у кого многомесячное оцепенение. Но сам больной в бреду видел, как на его теле пируют духи, разрывая на части и поглощая. Затем они притягивали откуда-то новые куски мяса и конечности, чтобы собрать бедолагу заново в улучшенном виде. По окончании инициации новоиспеченному шаману являлся амагят – дух-покровитель, который выбрал себе этого человека и намеревался помогать ему в делах. От силы амагят зависела и сила собеседника духов.

Кам вздохнул и скучающим голосом перебрал факты:

– Родился в Калари, отец – приезжий офицер, мать – коренная. Переболел в десять лет. В семье признают лишь Небесных родителей, поэтому мне отдали в наследство чум моего прадеда-оленевода и попросили из дому. Сперва жил со своей амагят в каньоне на плато Сандаасо, потом вернулся в город и скрытно применял дар для себя самого, но в пятнадцать все же прошел Три пользы и начал практику. Лет пять все были довольны, да и я не жаловался. А уехал из-за девушки.

– Поплыл! Я так и подумал, что тут в любви дело! – хлопнул рука об руку Сармик и с видом знатока взглянул на Нэвлиса. – Эх, Лис, надо было нам ставки делать.

– Я о тебе слышан, хранитель бестий, – тихо проговорил Кам, исподлобья взглянув на шамана с двумя косами. – Но я не враг тебе, мы в одном стане, так что придержи язык.

– Не мешай, Смех, – отмахнулся от Сармика Нэвлис, и ободряюще кивнул Каму.

Тот продолжил:

– Этой зимой в город заезжал шаман из племени орочи, оленевод-кочевник. Она убежала с ним. Но не средний шаман то был, а «последний». Из тех, что без амагят. Ничтожный вещун, предсказатель. Стелил гладко, а может, просто был полоумным. Не стал об него руки марать, а женщину отпустил – сама себя наказала, после поймет. Но погано на душе стало, да и сплетни за спиной досаждали, вот и решил с обжитого места съехать.

– Так ты что, бросил своих подопечных? Жителей Калари без шамана оставил? – сурово спросила Корбу. Высокая, жилистая и морщинистая верховная шаманка в любое время года носила черную шапку, к которой с двух сторон прижились вороны крылья.

– Да брось, чтобы от пересудов укрыться, надо было в берлогу переезжать. Я о тебе наслышан уже тоже, – ехидно заметил Сармик и снова развернулся к Нэвлису. – Кам всем раструбил, что девица, мол, шаманства испугалась, вот и выбрала кого безобиднее. А на деле, говорят, скучно ей с ним было, не разжигал огонь в душе и в теле. Подружкам жаловалась, да на других поглядывала, а тут приехал красавчик полоумный – так сразу и ускакала, едва поманил. То есть и не в шаманстве дело-то было! Ой, не в нем!

Сармик запрокинул голову и так весело расхохотался, что

и Нэвлис не удержался от улыбки. Кам сжал челюсть и поднес к губам варган, намереваясь проучить наглеца, но Корбу сама отвесила Сармику смачный подзатыльник. Весельчак примирительно поднял руки, а Кам ответил на вопрос Корбу:

– Ты забыла, Верховная, что в Калари есть еще средняя шаманка. Теперь она небось пирует там – все подношения в одни руки.

– А не переехать ли мне теперь в Калари? – сразу задумался Сармик.

– Вали, – доброжелательно кивнул Нэвлис. – Одной бедой меньше. А то вместе с Камом вас станет пятеро и город точно разорвет от шаманских войн.

Впрочем, чему удивляться. Это в древности один шаман приходился на пять-шесть стойбищ, и то они прытко перемещались, чтобы указать сопернику его место. А с тех пор, как предок короля Тортура отправил своих людей обживать и изучать богатую землю, вся жизнь закипела вокруг Талви и Калари. Конечно, и шаманы осели поблизости. Там, где они могли за свое уникальное ремесло получать славу и богатые подношения. Потому и бились так ярко и часто, что искры летели— каждый видел себя единственным объектом почитания. Нэвлис рассудил уже не одну ссору между ними, то запугивая участников изгнанием из города, то задабривая подарками и расположением. Отправить хотя бы Сармика в Калари пришлось бы весьма кстати. Но Сармик уже бросил

раздумывать о переезде и принялся подначивать Кама:

– А правда, что как баба от тебя сбежала, ты ушел в тундру и чье-то стадо оленей замертво положил? По-моему, врут. Ты парень тяжелый, конечно. Сядешь на ездового самца, так он и хребет под тобой сломает. Но чтобы стадо... Докажешь?

Кам только закатил глаза и объяснил для Нэвлиса и Корбу:

– Было такое, но я владельцу ущерб возместил. А стадо положил криком. Мой амагят – дух Звука Эхта.

На этих словах толпа выплюнула в центр девушку, которая поддерживала под руку кругленькую старушку с палочкой. Девушка сложила руки над головой в знак почтения Первому Кругу и звонко обратилась к Каму:

– Дух Звука, говоришь? Так принеси первую пользу, шаман! Уже два года мы всей семьей срываем глотки в попытках докричаться до бабули.

Люди одобрительно рассмеялись. Бабуля даже глазом не моргнула, только укоризненно посмотрела на внучку. Нэвлис кивнул, разрешая испытуемому действовать. Кам привычно поднес к губам варган и ударил по язычку, одновременно затянув песню без слов. Звук его глубокого низкого голоса немедленно унес слушателей в первобытные времена. Гласные из открытого рта чередовались с мычанием сквозь сжатые губы. Дикое начало завибрировало внутри Нэвлиса – сердце забилося в ритм со звоном варгана, по телу пробежала горячая волна. Казалось, что его наполняет звериная сила, и, вместе с окончанием песни, он сам, как и каждый

стоящий на площади, будет готов ожесточенно преследовать зверя, отчаянно убегать от опасности или безудержно сношаться. Кам замолчал. Его зрачки потемнели, лицо приобрело отстраненное выражение. Звучным голосом он позвал:

– Эй, Хозяйка Звука, иномирная супруга, сделай милость, покажись этим людям!

Эхта предстала перед зачарованными людьми. В воздухе появились бесцветные очертания миниатюрной девушки в платье. От ее головы лучами солнца отходили семь длинных кос. Нэвлиса мигом сразил ее нежный облик, но вскоре он разглядел, что падающие со лба нити бисерного украшения плохо скрывают пустые глазницы, мило вздернутый носик не имеет ноздрей, а руки – кистей. Иномирная девушка танцующим шагом приблизилась по воздуху к Каму и легонько приложилась к его губам. Шаман серьезно кивнул и наклонился к уху глухой бабули, будто собрался поделиться с ней тайной. Бабуля настороженно замерла. Ее внучка тоже оставалась на месте, опасливо глядя на Кама, и не без причины. В следующий миг он издал невозможно пронзительный звук, который заставил пожилую женщину зайцем отпрыгнуть от него на несколько шагов. И не только ее. Нэвлис почти свалился с кресла, зажав уши руками. Люди тоже шарахнулись в стороны, стекла в театре треснули. Дух Звука исчезла. Кам заулыбался. Нэвлис по губам увидел, что шаман шепотом спросил что-то у бабули. В ответ она замахнулась на него своей палкой:

– Как я? Да я чуть к предкам не провалилась! Чтоб сихир-тя тебя утащили, ирод проклятый! Предупредить же нужно старого человека!

В толпе облегченно засмеялись. Внучка чмокнула в щеку возмущенную бабулю и поклонилась Каму. Шаман улыбался, но его зрачки продолжали оставаться расширенными, и он все еще видел что-то, кроме того, что видели все. Глубоким вибрирующим голосом Кам обратился к Нэвлису:

– Говори, чего хочешь ты, молодой князь. Звучком не только исцелять можно. Оглушить насмерть твоих врагов? Желаеть подслушать, о чем говорят на той стороне Ангардаса? Могу голосом зачаровать для тебя девушку. Внушить что угодно любому упрямцу.

У Нэвлиса загорелись глаза. Кам – это же настоящее сокровище. При помощи звука передвигаются киты и птицы, значит шаман сможет легко и быстро составить карту местности южнее Талви, чтобы отыскать новые платиноносные сопки. Можно будет не тратить время на изучение земель и сразу отправить людей заниматься подготовкой. Хотя есть и другая важная задача – предотвратить потери рабочих.

– Чего у меня нет – того добыю сам. Не люблю зависеть от неподвластных мне сил, – твердо заявил шаману Нэвлис. – А вот для Изысков ты можешь кое-что сделать. Вот тебе вторая польза, Кам. Наша последняя шахта находится неподалеку от горячего источника, откуда порой валят клубы ядовитого дыма. При первых признаках опасности, смог бы твой

дух-покровитель предупредить всех, кто трудится неподалеку? И хорошо бы, он был настороже постоянно.

Нэвлис не очень представлял, как дух может это сделать, но решил попытаться. В любом случае он уже нашел пару толковых изобретателей и приказал им придумать систему оповещения в шахтах. Раньше с этой задачей справлялся большой медный колокол, но потом понадобилось подавать разные сигналы. Обвал – двигаться к выходу либо бежать на помощь. Дым – защитить нос и рот, лечь на землю. Нападение сихиртя – хватать кирки, и обороняться, светя им в лицо. Ученые решили использовать фонари и зеркала, чтобы получился язык света. Но дело пока шло со скрипом. К его радости, Кам легко согласился:

– У моей амагят есть рой маленьких служебных духов. Они незримые, несмышленные, но связаны друг с другом, и один может эхом повторять то, что услышал другой. Их можно прицепить к месту, рассадить по разным подземным коридорам. Духи останутся там, пока я не прикажу им уйти. Главное, чтобы рабочие каждое утро оставляли для них подношение, а то они могут обидеться и начать шутить, сбивать с толку.

– Само собой, благопочитание твоих духов мы обеспечим, – понимающе кивнул Нэвлис. – А вторую пользу засчитаем тебе заочно.

– Нэвлис, у меня есть третья! Насчет девушки! – воскликнул один из состоятельных горожан, лысый дородный муж-

чина с увесистой золотой цепью на шее. Но Нэвлис уверенно остановил его взмахом пальцев. Он обожал улучшать почти все, что видел. А особенно то, что приводило к обогащению и прославлению его персоны. И на Кама у него уже появилась масса планов, но тут в испытание вмешалась погода.

На небо резко накатила волна тьмы. Жители Талви подняли головы вверх и принялись испуганно переговариваться, отступать. Послышались возгласы: «Это все Дар! Дархан навлек новую беду!».

– Скорее, в театр! Места должно хватить всем! – мигом приказал Нэвлис. Десятки голосов начали вторить ему и люди, толкая друг друга, быстрым шагом устремились внутрь. Кто-то из знатных горожан с переменным успехом спешил пробиться через взволнованную гудящую толпу к экипажам.

– Ты тоже беги в укрытие и поскорее, – бросила Корбу Нэвлису. – Мы тотчас начнем камлать. Это не простое ненастье.

Рука старой шаманки уже потянулась за бубном, который висел на ремне у нее за спиной. Верховная намеревалась привычным ритмом настроить свой разум на встречу с духом-покровителем. Легкомысленный Сармик в этот раз не прихватил свой бубен, но тоже принялся бормотать, общаясь с кем-то невидимым. Сделать они оба ничего не успели. С неба резко обрушился шквал ледяного ветра. Как тряпичных кукол людей протащило и разбросало в стороны. Кто не успел укрыться в здании – с криками и кувырком попадали

на землю. Нэвлис тоже на минуту ощутил себя беспомощной марионеткой, и когда ветер слегка улегся, поднялся и рванул к театру изо всех сил. Далеко пробежать не удалось, ветер напал снова. Тьма опустилась на город среди белого дня. В начале осени внезапно повалил густой снег.

– Это черная пурга! – донесся чей-то крик. Нэвлис, распластаный на земле, приподнял голову и из-под ладони всмотрелся в еле различимые фигуры людей. Он заметил силуэт гигантского черного ворона Корбу, к которому та обращалась в опасные моменты. Птица размером с чум отчаянно хлопала крыльями, стараясь своими воздушными потоками создать противовес стихии. Однако, всерьез не преуспела. Следующий порыв коварно ударил ворона в спину и вынудил его сложить крылья.

Нэвлиса стремительно поволокло прямо на массивную каменную колонну, сплошь обклеенную афишами и объявлениями. *«Не может быть! До чего нелепо!»* – успело пронестись в его голове. Вместе с этим воздух в груди стало трудно удержать. Новый вдох никак не делался. Руки безуспешно пытались зацепиться за ровную утоптанную землю, а колонна неотвратимо приближалась. Но внезапно движение остановилось и вместе с этим на слух Нэвлиса навалился резкий свистящий хрип, переходящий в визг.

Превозмогая боль от этого звука, он схватился за уши, неловко поднялся и опрометью бросился к зданию, не пытаясь разбираться в причинах передышки. Визг звенел, из-

редка переходя в нечеловечески громкий стон. В дверях он столкнулся с румяным запыхавшимся Сармиком, тот пропустил будущего князя, подтолкнув его в спину. Оказавшись в холле, среди перепуганных людей, Нэвлис отвел руки от ушей. Теперь в них немилосердно звенело. Следом за Сармиком ввалилась Корбу без своей вороновой шапки. Весь ее плащ залепило снегом. Последним, почти на четвереньках, в здание забежал Кам и тяжело рухнул на пол. Вместе с его появлением чудовищные стоны и визги стихли, и тут же пурга взвыла с новой силой, словно от досады. Яростный удар воздуха пришелся прямо на двери. Стоящие у выхода испуганно отшатнулись.

– Я думал, это конец! – ошарашенно и восхищенно поделился с окружающими Сармик.

Нэвлис полностью разделял его мысли. Звон в ушах проходил. Он немного подышал, чтобы успокоить колотящееся сердце и, вложив в голос всю свою благодарность, обратился к распластавшемуся на полу Каму:

– Третья польза принесена, признанный шаман Талви. Да еще и с избытком. Это ведь тебе мы обязаны своим спасением? Ударом звука отвел пургу?

Кам легко кивнул, не в силах открыть рот. На его лбу выступила испарина. Это шаманство потребовало от него предельного напряжения разума и тела, чтобы перенести в мир людей силу своего духа. Горожане облегченно засвистели и захлопали, но новый удар пурги в двери быстро свел радость

на нет.

Сармик протянул Каму руку и помог сесть:

– Мы оставим твоей амагят подношение по вкусу, а потом выпьем вместе. Что скажешь?

Кам принял помощь и кивнул ему.

– Господин, а дальше что? – выкрикнул кто-то в толпе.

– Будем ждать. Разве есть другой выход? – вздохнул Нэв-лис.

Он уже оправился от потрясения, рукой привел растрепанные волосы в порядок и уселся на пол.

– Надеюсь, Дар сможет что-то предпринять.

Глава 7. Заступник

Талви, столица региона Изыски на севере Ангардаса

Едва черная пурга сорвалась с берегов Ледяного моря и понеслась крушить Талви, Дархан оставил свое тело в меховой постели, на полу простого дома из серого камня, и отправился в мир духов.

Обычному человеку нужно умереть, чтобы пройти за завесу, но шаманы способны по своей воле посещать иные миры, и общаться с их обитателями. Это ремесло опасно. Любой из духов может сильно навредить душе шамана или вообще ее сожрать, а тело забрать. Трезво оценивая все риски, шаманы с духами ведут себя осмотрительно, и без нужды их обиталище не посещают. Но только не Дархан.

В Нижний мир спустилась ночь, показался месяц в зеленой дымке. Стояла гулкая тишина. По земле волочились клочья густого тумана. С крутого утеса шаман ясно видел верхушки черных кедров и, в просветах, тоненькие струйки дыма, выющиеся из чумов, в которых жили души мертвых людей.

В воздухе над Дарханом время от времени мелькали истинные владельцы Нижнего мира: одни похожие на людей, другие не поддающиеся описанию. Проворные духи первой искры, которые выглядели как рой огненных мошек, подня-

лись с соседнего утеса и разлетелись по тайным и явным лесным кострищам, домам небожителей и каминам в мире людей. Дух головной боли, по виду как набитый мешок, с треском приземлился на ветки кедра.

Шаманом пока никто не интересовался, и это весьма его устраивало. На своей шкуре он успел познать, что одни обитатели этого мира хотят навредить людям, другие рвутся помогать, а третьим нет до них никакого дела. Но будет ошибкой делить духов на добрых и злых по их намерениям, ведь понимание вреда и пользы у них своеобразное, а нормы морали заставят волосы на голове шевелиться.

Поэтому Дар просто крепко держался за миг спокойствия и отдыхал, как отдыхает человек, который вдруг отошел на обочину оживленной улицы и зачарованно уставился на поток горожан в разноцветных платьях. В мире духов шаман чувствовал себя на своем месте, как нигде больше. Здесь все пронзала великая песнь, нанизывая каждое существо, каждую частицу пространства на невидимую нить, создавая единое причудливое плетение. Песнь звучала внутри. Она бесконечно лилась, меняла тональность, погружала в поверхностный сон, когда тело расслаблено, а разум чист и воспринимает все с предельной ясностью. Песнь тянула великая паучиха⁷, сидящая у корней мирового дерева. Она же и

⁷ Селькупы, народ Западной Сибири, в своих ранних представлениях о мире видели великую паучиху как зооморфную ипостась матери-земли, обитающую в царстве мертвых.

создавала новые невидимые нити, и прокидывала их дальше и дальше, изредка отсекая старые или запутавшиеся. Шаман не знал и не хотел знать, сколько времени прошло. Он наслаждался своим состоянием и изредка косился вниз, на чумы мертвых людей.

Особенно его интересовал один – полотнище которого так сильно провисало, что жерди напоминали ребра голодающего. Время от времени из чума выходила высокая темноволосая женщина с впалыми щеками. Она то бросала склизкие синеватые потроха рычащим псам, что сторожили стадо полудохлых оленей, то выплескивала из таза мутную серую воду.

Все в Нижнем мире было искаженным и порченным, а души людей сильно болели и не помнили прошлого. Порой тяжело было наблюдать за ними, но Дар никого не жалел. Отмучаются свой срок, умрут вновь, и отправятся в Верхний мир. А уж там забудут о неизбывных страданиях и обретут журавлиные крылья от плеча до кончика мизинца. При мысли о Верхнем мире Дар даже поморщился. Залитые солнцем вершины гор, легкость и безмятежность, царящие там, вгоняли его в смутное раздражение. Хотя именно там ведь он и окажется сразу после собственной смерти. За пособничество и тяжелый труд, великие боги Нум и Нга⁸ сделали шаманам подарок – умирая, они отправляются сразу в Верхний мир,

⁸ Верховные божества в ненецких верованиях. Нум обитает на верхнем ярусе Верхнего мира, Нга – в Нижнем.

минуя страдания в Нижнем. А следом, как и все другие, в мир людей, в тело новорожденного.

Женщина вновь скрылась в чуме, а Дар отвел взгляд от стойбища и заметил в чаще тонкий дымок костра. Нахмурился. Души людей не уходят так далеко в лес – они живут в оковах страха, и на то есть причины. А духи обычно костры не разводят.

Шаман поднялся и тихонько свистнул. Позади него слышалась тяжелая поступь и сопение. Подошел его мать-зверь⁹ Ысах – белоснежный великан-лось с белыми же рогами, хранитель частицы души шамана, его право находиться в мире духов. Ысах лег на землю, и Дархан привычно забрался на него верхом, крепко держась за шерсть. Лось поднялся, разогнался и уверенно побежал к краю утеса. Прыжок, и Дар с удовольствием ощутил невесомость, крепко сжимая ногами бока животного. Они нырнули во влажное облако, стремительно приближаясь к земле. Ысах пару раз оттолкнулся копытами от воздуха, выбрал прогалину между деревьями и, чуть перебирая ногами, мягко опустился на землю, покрытую черной сухой травой. Шаман похлопал по шее зверя слева, направляя его в чащу, но лось попятился и мотнул головой. Дархан повторил:

– Ну же! Хочу посмотреть, что там, и не повредит ли это... всем, кто тут живет.

⁹ Наиболее сильными ие-кыла считаются бык, жеребец, орел, медведь и лось. Более слабыми и ненасытными называют собак и волков.

Лось издал короткое мычание, развернулся и галопом рванул в другую сторону.

– А ну, стой, а то спрыгну! Ты лось, а не курица-наседка. Излишние опасения, – возмутился Дархан. – Я должен взглянуть.

Ысах не сбавил шага, поэтому шаман недовольно цокнул, перекинул ногу и спрыгнул с великана-лося. Удар удачно пришелся на бок, да еще пришлось немного прокатиться по земле. Дархан встал, отряхнулся и направился в чащу, подволакивая ушибленную ногу. Ысах остановился, промычал что-то низко и грубо, но все же догнал своего шамана.

Вместе они углубились в заросли кедров, стараясь ступать тихо. Вскоре показались отсветы огня и гомон. Ысах, слишком заметный за деревьями, остановился поодаль, а Дар, обернувшись юркой змейкой, скользнул поближе к костру, притаился за чахлым кедром¹⁰ с белым налетом на коре, и стал внимательно слушать.

– Выпьем, выпьем! – призывал задорный женский голос.

– Наконец, наконец! – вторил ему веселый мужской. – Скоро я покажу шаманчику, где тотем, а эта пурга станет веским доводом за ним пойти!

– Брат будет рад, он так устал ждать, – подтвердил тонюсенький детский голосок.

¹⁰ Кедр, как и ель с сосной, прочно связывают с миром мертвых. У многих европейских народов есть схожие похоронные обряды и традиции с участием этих деревьев.

– Этот способ гораздо хуже, чем первый. И очень рискованный, – начал медленно и гнусаво рассуждать кто-то четвертый. – Впереди много работы.

– А, брось, – недовольно прервал его женский голос. – Вывести шаманчика из себя – это раз плюнуть. Он уже готов, ты лишь успевай дровишек в костер подкидывать. Опрокинем его драгоценного Траву, а дальше дело в шляпе! Уоюр выберется и навсегда перетащит нас в мир людей! Ура!

Дух с женским голосом издал задорный визг. Дар вытянулся в струну и напряженно слушал, надеясь, что его не почувют. Он сразу ощутил мощь, исходящую от этой компании, и давно ускользнул бы куда подальше, но его встревожило известие о пурге и упоминание Травы, его духа-покровителя. Шаман ни разу в жизни не встречал своего амагят, в отличие от собратьев по ремеслу. Не зря чутье привело его сюда.

– Ура! – громогласно поддержал соратницу дух с мужским голосом. – А согласитесь, я здорово разозлил сабдаки¹¹? Видели бы вы, как я своими острыми когтями вспорол туши нарвалов и вытянул их на сушу! Ух, весь берег заволокло паром из жарких утроб. Запах крови до сих пор щекочет ноздри! Вот бы вы ахнули от красоты того темно-красного следа, что я провел от туш до человеческого городишка.

– Рано хвалишься, – фыркнул женский голос. – Вот когда

¹¹ Сабдаки – духи, привязанные к определенному месту. Они начинают возмущаться и мстить, если на их территории произошло вмешательство без должных ритуалов.

дух места пройдет по следу и отомстит людишкам, тогда и оценим твои старания!

– Уже, сестра! – прервал ее недовольный мужской. – сабдаки так рассвирепел, что тут же оседлал пургу и помчал вершить возмездие. Он лютует! И не успокоится, пока не соберет дань. И вообще, посмотрим, будешь ли ты столь хитра и искусна, когда придет твой черед веселиться.

– Заткнитесь оба, – резко оборвал спорщиков детский голосок. – Не веселиться мы должны, а дело до конца довести. Продолжаем работу без спешки и куража...

– Тихо все! Я один чую здесь аромат волнения с нотками тревоги? Кто-то подслушивает наш разговор, – удивленно прогнусавил четвертый дух.

Бысах, не дожидаясь реакции духов, сорвался с места и с бешеной скоростью помчался по лесу, едва успевая огибать деревья. Дархан в то же мгновение почувствовал, как крепкая рука схватила его у основания головы:

– Ах ты, скользкая тварь! Поймал!

Дар судорожно извивался, но противник держал крепко. Покрытый пленкой змеиный глаз не отличался остротой, поэтому рассмотреть компанию у костра никак не удавалось.

– Ну, и что ты такое? – грубо тряхнул его тот, кто поймал.

– Это наш ужин, – ласково предположил дух с женским голосом. – Мелкий дух, но мы его разорвем на четыре части и перекусим.

– Не возражаю, – согласился гнусавый.

– Подош-ш-шдите! – с трудом прошипел Дар. – Вы пош-ш-шалеете!

– Неужели? И почему? – дух-мужчина еще раз потрянул его и бросил на землю у костра, перегородив дорогу к отступлению. Дар и не пытался бежать. Вернуть свой облик и призвать духов-помощников нельзя – узнают сразу. А змеей далеко от них не уползешь, быстро отыщут. Шаман решил пойти на хитрость:

– Я – дух речных змеев. С-с-сдесь по поручению гос-пош-ш-ши бегущих вод Среднего мира. С-с-сама Семизмеевая мать послала меня!

– А что же ей понадобилось здесь, возле стойбища человеческих душонок? – неуверенно усомнился дух с детским голосом.

Семизмеевая мать, как и Семивыдровая госпожа стоячих вод, пользовались большим уважением других духов, и не только благодаря их общему супругу – Великому Водному Змею. Обе матери славились жестким нравом и всегда наказывали обидчиков своих чешуйчатых слуг. Мать Бегущих вод как-то раз удостоила Дархана разговором о прибрежных травах, когда тот приехал в тайгу за целебными растениями. Он было приготовился выдумать в свою защиту целую историю, но почувствовал, что опьяненные и разгоряченные духи уже поверили ему.

– Не ваш-ш-ше дело, – отбрил он, – и я не лезу в ваш-ш-ши тош-ш-ше. Хвост мой долог, а память коротка.

– Ладно, проваливай, недосуг тут с мелкой сошкой возиться, – дух с мужским голосом схватил его за хвост, раскрутил и метнул в чашу. Дархан на полном ходу влетел в ствол кедра и со стоном рухнул на землю. Преодолевая боль и головокружение, Дар определил куда отступать и пополз, не дожидаясь, пока они передумают. Вслед ему несся смех. Когда он стих, дух с нежным голосом ребенка неуверенно спросил:

– Это же был именно он? Нам чем-то это грозит?

– Абс-с-с-олютно ничем! – передразнил дух с женским голосом, и вместе они расхохотались еще веселее.

Дархан этого уже не слышал. Удалившись от костра, он встретил Ыысаха, который ждал шамана, переминаясь с ноги на ногу. Дархан принял человеческий облик, влез ему на спину и накрепко вцепился в мать-зверя. Лось галопом помчал через сумрачный лес и вскоре снова вывез шамана к утесу и чумам людских душ.

– Молодец, что сбежал. Я бы на твоём месте так же поступил. Вдвоем бы их было не одолеть, да и не обмануть, – одобрил поведение Ыысаха шаман. – А теперь подумаем, кто это был и что это значит.

Лось молчал. Дар съехал со спины мать-зверя на землю и нежно погладил его по шее. Он чувствовал, что Ыысах тревожится.

– Так, один из них пригнал в Талви пургу. Значит, это те самые приспешники Уоюра. Но что это за духи? Где мой

Трава и как его опрокинуть? И зачем выводить шаманчика из себя? Шаманчик, это я, очевидно.

Лось шумно сопел. Дар снова потрепал его по шее.

– Надеюсь, ты следил за ходом моей мысли. В этом месте она обрывается. Попробуй узнать что-то еще, а мне нужно вернуться и отвести ненастье, – озабоченно сказал Дар.

Он закрыл глаза, сосредоточился на своем теле и ухнул в темный тоннель. Перемещение закончилось ощущением жесткого удара. Голова закружилась, в глазах запрыгали звезды. Слух тут же уловил жуткий вой из окна. Стекла неистово дрожали в рамах. Крепко держась за голову, Дархан поднялся и решил впредь переводить себя медленно, пока у него не вылетели мозги. Чтобы прийти в себя, он начал рассуждать вслух:

– Так значит сабдаки. Дух места. Дух берега Ледяного моря. Тот, у костра, осквернил его владения кровью животных и указал на Талви. Понадобится подношение и хорошее настроение.

Великое множество духов обитают бок о бок с людьми в Среднем мире. Сабдаки и многие другие, словно заключенные, привязаны к особым местам или исказившимся телам. Люди могут их почувствовать, некоторые – даже увидеть и рассказать остальным. Так и появляются сказки о скрытных хозяевах леса, разумных жителях болота и запечных человечках. Те, что скитаются по людской обители в уродливом облике – зачастую кровожадны, но те, что незримо охраня-

ют свой кусок земли – напротив, крови не терпят. Они возмущаются от такого оскорбления и начинают мстить. Важно понять, что это за дух, чтобы успокоить его. К каждому – свой подход.

Дархан пронесся по дому, собрал мешок еды и украшений, достал из кладовой сухой шарик растения перекаати-поле и окутал его цветной мишурой с какого-то праздника. Затем он тщательно утеплился, надел перчатки и натянул шарф на лицо. Перед тем как выйти, поднял в себе силу Травы и прошептал:

– Корни из сердца земли начинаются, стебель ползет, за поверхность цепляется. Ярость ветров не помеха отростку – двигаться к цели ему будет просто.

Он уперся плечом в дверь, с трудом приоткрыл ее, проскользнул в щель и лег на землю. Пурга и не думала утихать. Талви погрузился во тьму. В воздухе носились мелкие острые льдинки и громоздкие предметы, сорванные с мест. Десятки людей не успели дойти до укрытия и теперь жались у стен, кувыркались по земле, бились о поверхности и цеплялись за все, что подвернется под руку.

Шаман не смотрел на них, а лишь ускорялся. Благодаря его силе, получалось успешно ползти, а в редкие минуты – бежать. Чутье на иномирных гостей вело его на окраину города, недалеко от дома. Вскоре Дархан заметил во тьме очертания странной фигуры в половину человеческого роста. Пурга бережно огибала ее кругом, не причиняя вреда.

Очередное темное облако отошло от луны, и холодный свет позволил шаману рассмотреть духа Ледяного берега.

Этот сабдаки выглядел как огромная птица, в облике которой уродливо проступали человеческие черты: изящная девичья шея, лицо с голубыми глазами. Му-шубун. Дурная птица. Жестоко убитая юная девушка, не познавшая любви. Очевидно, ее душа прилепилась к тому самому берегу, на котором произошла расправа. Теперь от ее прежнего сознания ничего не осталось – существо лакомилось человечинной. Полуптица-полудевушка самозабвенно долбила маленьким красным клювом череп горожанина, придерживая тело лапой. Голубые глаза с длинными ресницами жмурились от удовольствия, кровь налипла на нежное девичье лицо и белые перья спереди. Похоже, му-шубун уже полакомилась печенью и почками жертвы и перешла к мозгу на десерт. Духи места всегда бесплотны, но в ярости они могут высосать несколько душ, сила которых помогает им воплотиться. Му-шубун так возмутила смерть нарвалов, что она смогла прилично удалиться от своего берега ради мести.

Дархан поостерегся общаться с дурной птицей в таком состоянии. Он вынул из мешка перекасти-поле с намотанной мишурой, дождался, пока ветер подует ему в спину и отпустил растение. Перекасти-поле полетел к му-шубун и остановился в ее тихом пространстве, прямо возле ног. Сабдаки отвлеклась, удивленно разглядывая нарядный шарик. Она по-птичьи склонила голову, издала высокий клекот и слег-

ка пнула растение ногой. Проследила за блеском мишуры, прыжком догнала свою новую игрушку и пнула еще раз. Затем остановила перекасти-поле взмахом крыла и подтолкнула к себе. А потом весело крикнула и, создавая крыльями вихрь, стала подбрасывать вверх. Дархан знал из опыта, что многих духов смешат подобные вещи. Сработало и в этот раз. Он подполз к сабдаки и четко произнес:

– *Хадалан долон. Хамнгахи найман.*

Дурная птица растерялась и упустила свой шарик. Он выпал из ее тихого круга и пропал в пурге. Му-шубун гневно заклокотала и захлопала крыльями.

– Мне что, повторять?! – нахмурился Дархан, вставая на самом краю безветренного участка. – *Хадалаевы семеро. Хамнагановы восьмеро.* Именем старейших шаманских родов, что положили начало переговорам людей и духов, ты должна меня выслушать.

– Не я, а ты мне должен, человек! Вы все должны! – сипло проговорила му-шубун, упершись в шамана безумным взглядом ясных глаз.

Она топталась на месте, явно изучая соперника.

– Ошибаешься, – не сводя с нее строгого взгляда, Дархан медленно начал выкладывать из мешка замороженную бруснику и морошку, съедобные коренья, шоколад, зеркальце в оправе из мелких стеклышек, позолоченную кружку и другие предметы, способные порадовать любую девушку. Дух места следила за ним исподлобья. Шаман уверенно продол-

жал:

– Твой гнев я разделяю – сам не сторонник убийства без причин. Но ты обратила его не на тех. Нарвалы погибли от когтей духа из Нижнего мира, что хотел нам насолить. Я сам слышал. Уведи пургу обратно и взамен я приведу людей, чтобы очистить твой берег. В придачу ты получишь в пять раз больше подношений, чем видишь сейчас.

– Я не верю ни одному слову! – пронзительно выкрикнула му-шубун, хлопая крыльями. – Люди лживы насквозь. Мужчины уж точно!

– Я не совсем мужчина. Точнее, лишь наполовину человек, – Дархана раздражала истеричная курица, но он искренне пытался войти в ее положение. – Ты сабдаки, а значит, никогда не была в мире духов. Как долго ты скучаешь на берегу? Соглашайся скорее, и я постараюсь переправить тебя на отдых в Верхний мир.

Му-шубун опорожнилась и презрительно просипела:

– Я не стану слушать, полумерок! Кто бы это ни сделал, а заплатите вы!

С этими словами полуптица взлетела, и на Дархана обрушилась пурга. Едва он укоренился на месте, чтобы не унести вперед, как сабдхи напала сверху. Голова шамана откинулась от мощного удара клювом. Полуптица попала в бровь, едва не повредив глаз и висок. Заточенные когти оставили прорехи в меховой парке на груди. После неудачной атаки сабдаки вновь скрылась во мгле.

– Я пытался быть милым, тварь! Ну почему никто не ценит?! – острая боль и гнев заставили шамана кричать, хотя порыв ветра не дал звуку вырваться.

Дархан лег на живот и открыл дверь темной силе, что назойливо прорывалась откуда-то изнутри. По телу разлилось знакомое онемение, а глаза загорелись ярким ледяным светом. От следующей атаки он уклонился, прокатившись вбок, а потом на секунду поймал взгляд нападавшей. Этого хватило, чтобы его зловещая сила сдавила ее сердце. Птица рухнула на землю, как подстреленная. Шаман с удовольствием наблюдал, как сабдаки корчится, а затем достал другое зеркальце из своей поклажи и поймал на него последний вздох полуптицы. В отражении появилось едва различимое женское лицо в слезах.

– Пощади, шаман! *Хадалан долон. Хамнагахи найман,* – прошелестел дух.

– Вот как мы заговорили, – ухмыльнулся, Дархан. Он весь сочился злобой, которая все прибывала несмотря на поражение противника, – что ж, понимаю. Ты вспыхнула. Вернуть тебя на берег, да? Или лучше в Верхний мир?

Полудевушка быстро закивала, ее заплаканное лицо засветилось надеждой.

– О, благодетель! В Верхний мир, молю! Ты так добр, благослови тебя Нум...

– Забудь, тупое создание. Ты отправишься в самую беспросветную расщелину Нижнего и слуги Нга за тебя так

возьмутся, что будешь с нежностью вспоминать свою мучительную смерть!

Дархан с размаху бросил зеркало на землю, склонился над ним и ударил своим ритуальным ножом. Стекло треснуло, мелькнули полные паники женские глаза и раздался душевраздирающий визг. Вместе с этим, пурга вновь ударила по шаману, и тот улегся на землю, лицом вверх, смеясь, как ребенок. Рука на ощупь извлекла из мешка флягу с самогоном. Дархан сделал щедрый глоток, а остальное выплеснул на землю. Его глаза продолжали сиять голубым, а губы беззвучно произнесли призыв духа Воздуха. Пурга усилилась, от воя заложило уши. Чтобы ветер не резал веки, шаману пришлось натянуть шарф на глаза и ориентироваться на ощущения.

– Как ты смеешь взывать ко мне снова? – замогильный вой вкрутился в левое ухо шаману.

– В смысле, снова? Прошлый раз был года три назад. И ты остался весьма доволен нашей взаимовыручкой, насколько помню, – саркастично прошептал Дархан. Он знал, что дух Воздуха прекрасно расслышит его, вплоть до интонации. – И теперь договоримся. Отошли эту пургу!

– Десять человек, – не промедлил с ответом вой, вонзаясь в правое ухо.

– Три! И это еще щедро! – возмутился Дархан, которого уверенно понесло по земле, несмотря на силу Травы.

– Семь. И это даром! Благодарю, что вообще говорю с тобой, в знак дружбы с твоим амагят, – порыв пурги, словно

невидимая лапа, с силой надавила на горло шаману. Он покраснел, борясь за вздох, но освобожденная злость уничтожила страхи и сомнения.

– Три. Иначе... – выдавил он с решимостью самоубийцы. Хватка Воздуха слегка ослабла, и Дар добавил:

– Иначе все в мире духов узнают, что какая-то драная курица гоняла твоего слугу почему зря. Если тебе нужна такая слава...

– Нет у тебя друзей в мире духов! Никто тебе не поверит! Ты жалкий изгой!

Дархан взлетел вверх и закружился так, что его едва не стошнило в собственный шарф. Порыв стих, и он упал, чудом успев подобрать конечности. По телу разлилась тупая боль, но злость хлестала Дархана, как бессердечный погонщик изводит упряжных оленей.

– И что с того? Зато в мире духов знают тебя и будут рады любым сплетням. Давай, убей меня. Помнишь ли, что боги даровали шаманам за посредничество между людьми и духами? После смерти я отправлюсь не в Нижний мир, а сразу в Верхний! Я сохраню свою память и расскажу все! Готовься к вечным издевкам собратьев или бери трех!

Пурга слегка стихла, будто в раздумье. Дархан почувствовал в себе необычайную силу, хотя даже пальцем не мог пошевелить.

– Пожалуй, и я возьму себе одного, – пробормотал он, и на это страшное решение что-то внутри отозвалось ликова-

нием.

Воздух захохотал и сделал свой выбор. Ветер улегся так резко, будто его и не было. Дархан полежал пару минут, затем неземным усилием воли поднял свое избитое ноющее тело с земли, и побрел в сторону города.

Времени в обрез, скоро начнут выходить. Нельзя, чтобы его увидели. Повезло, у ближайшего дома он натолкнулся на двух человек, боязливо выглядывающих из арки. Не глядя на лица, шаман взмахнул верным ножом. Кровь обогригла символы подношения и почитания на платиновом лезвии. Теперь маленькая деревянная фигурка санок приняла последнее дыхание жертв, вместе с их душами. С ветерком домчат до получателя. Снова мучительные шаги, больно вертеть шейей. Скрипнула дверь где-то впереди... Бежать? Не пришлось. На счастье, еще пара обреченных отыскалась неподалеку, прицепившись к ограде какого-то склада. Женщина так некстати узнала его и воскликнула:

– Господин Дархан? Уже все?

– Да, все.

Лучше бы она обрушилась с проклятиями. С ней рядом сидел нескладный юноша. Он понял все первым и бросился вперед, прикрыв собой мать. Секунды на размышление. Воздух ждет третью жертву прямо сейчас, ссориться с ним немислимо. А если забрать только парня и оставить мать? Нет, тогда он сам упадет и не сможет защищаться, если его найдут враги. А врагов у него – не счесть. Найдут и спустят

собак, и неважно, что спас всех малой кровью. А может и правда, поделом? Злость быстро улетучивалась под гнетом проснувшейся совести. Ледяной свет в глазах гас. Еще минута, и он не сможет. Рывок. Легкое сопротивление парня. Взмах ножом. Откинуть тело. Второй взмах. Дархан, еле стоя на коленях перед своими жертвами, приложил санки к губам парня и с облегчением закрыл долг Воздуха, прочитав обращение. К губам женщины он припал ненадолго сам и улегся, чтобы впитать силу, перешедшую к нему с ее душой.

Да, четверым не повезло войти в круг перерождения. Пусть Великая песнь согревает души остальных, погибших в пурге. Теперь короткая передышка, и забиться в свою нору, чтобы не застали врасплох. Хорошо великим духам природы. Жизнь человека им безразлична, что людям – прихлопнуть жука или сорвать цветок. А вот ему очередной груз на сердце. Он не соврал му-шубун. С такой тяжестью люди не живут. Он и не человек. Но и не дух.

Вдруг картинка перед глазами поплыла. Дархану показалось, что он теряет сознание, но тут в его мысли врезалось видение. Шаман взгляделся в него, а потом начал спешно поднимать себя с земли:

– Нора отменяется. Нужно доползти до князя и сообщить ему о том, где находится тотем. Не соврал тот дух. Теперь мы знаем. Теперь мы отправимся в путь.

Глава 8. Первый круг

Талви, столица региона Изыски на севере Ангардаса

Из короткого сна Нэвлиса вывела тишина, непривычная после рева черной пурги. Он встал с маленького диванчика в холле театра, с хрустом покрутил шей и посмотрел на других узников ненастья. Большинство людей в помещении еще дремали, устроившись вповалку. Среди неспящих оказался Сармик. Любопытный шаман подошел к двери и дернул за ручку. Ему под ноги тотчас вывалилась гора снега.

– Однако, – Сармик почесал затылок. – Мужики, помогите тропку до одной красотки прокопать! Она обещала мне свидание, если снег летом выпадет. Еще сойдет!

Колдовская пурга нанесла сугробы по пояс за одну только ночь ранней осени. Вместе со снегом в театр ворвалась морозная прохлада и постепенно подняла всех на ноги. Горожане взволнованно загудели, потянулись к дверям. Нэвлис страшно не любил неразбериху и передавать кому-то инициативу. Он скомандовал:

– Ну все, пора выбираться. Бегом проверять родных! Добровольцев жду у дома князя. Есть собака – приводите. Разделим город на квадраты и будем искать, кого занесло. Встретите по пути раненых – помогите добраться до врачей. А будут мертвые – немедленно тащите к Сармику или хорони-

те как полагается, чтобы деретниками не стали.

Все знали, что деретники – северное проклятие, рождаются после повальной гибели людей. Энергия смерти привлекает злых духов, как запах падали зовет волков и воронов. Их жертвой становятся покойники, которые лежат без присмотра близких и охранных ритуалов.

Духи проникают в свежие трупы и наделяют их силой, скоростью и жадностью до плоти. Увидел деретника даже издали – считай, ты сам покойник. Телесные увечья им не страшны. В три прыжка настигнет и будет пожирать заживо, равнодушный к крикам и агонии жертвы. Редким счастливым удавалось деретнику снести голову, кому-то повезло оторваться от погони на упряжке. К счастью, из-за присутствия духа разложение ускоряется и труп гниет на глазах. Чтобы мертвец не стал деретником, его нужно обезглавить и похоронить животом вниз, а отрубленную голову зажать между ногами. Черные шаманы, такие как Сармик, могут справиться быстрее – провести обряд камлания и закрыть мертвые тела для зловещих гостей.

Страх перед деретниками и тревога за близких заставила горожан спешно последовать указаниям молодого господина. Дружно все занялись расчисткой троп в город. Кто-то пустил в ход отломанные спинки кресел, кто-то махнул рукой и двинулся напролом, проваливаясь в снег на каждом шагу. Солнце припекало. Появилась надежда, что к закату по городу получится пройти без помех.

Нэвлис вместе с Корбу и Камом дождалась, когда им расчистят путь, и поспешили к дому князя. Дэнеул с семьей занимал замок круглой формы с башнями-сталагмитами. На первом этаже в двух изящных гостиных устраивали званые ужины и деловые встречи, а второй этаж состоял из жилых комнат. Во время чудовищных неестественных бедствий дом князя становился сердцем помощи и управления.

Наутро после черной пурги во дворе вовсю суетились люди, звучали команды, шуршали карты, лаяли собаки, летел снег из-под лопат. В гостиную понесли носилки с пострадавшим. Там уже лежали тяжело раненые люди, которыми поспешила заняться белая шаманка Корбу. Кам молча к ней присоединился.

Шаманов делили на белых и черных, не по характеру, а по склонности к виду работы – белые лечили телесные и душевные недуги, благословляли свадьбы и охраняли роды, а черные предпочитали общение с душами мертвых людей, поиск живых, изгнание злых духов. Князь Дэнеул ценил шаманов всех видов. Он уважительно кивнул Корбу и Каму, а затем повернулся к сыну. Нэвлиса часто путали с его статным и моложавым отцом. Отличались только волосы. У князя они серебрились.

– Нэвлис, здесь помощь уже не нужна, – сообщил Дэнеул, глядя на суету во дворе. – Отправь людей собрать весь Первый круг. Мы должны обсудить кое-что как можно скорее.

– Но я уверен, что могу значительно ускорить работу, –

возразил ему сын, недовольный тем, что его отстранили от командования. – Полагаю, ты хочешь по горячим следам обсудить защиту города от ветра или укрепление ветхих домов. Но к чему такая спешка?

– Нет, речь пойдет не об этом, – Дэнеул посмотрел на сына и нехотя пояснил. – Появились новости о тотеме. Впервые с тех пор. Медлить нельзя.

– Какие новости? От кого ты узнал? – Нэвлис подался вперед, его глаза разгорелись от любопытства.

– Все потом, при встрече, – отмахнулся Дэнеул и перешел на шепот. – И да, приглашай всех к часу дня, а наместника – к двум. Гонцу выдашь награду за понимание. Если что, пусть все отрицает и кается, что перепутал цифры.

С первой встречи мореходов из Ангардаса и северных оленеводов стало ясно, что войны не будет – победитель определен заранее. Прежний князь племени орочи принял новых соседей и быстро наладил с ними обмен товарами и знаниями. Время шло, сыграла роль оторванность от большого мира – границы стерлись, и кровь смешалась. Власть в Изысках оказалась в руках наместника короля и одного потомственного князя. Первый командовал северным флотом, вел торговлю с соседними странами через Ледяной морской порт, а последний заботился о людях и ведал добычей щедрот земли и моря. Обычно наместники старались выслужиться перед королем и выжать из региона все соки, а потом уехать в новенькое имение где-то на юге страны. Нынешний

ставленник короны Идан тоже не отличался любовью к населению. Редко помогал, чаще добавлял проблем. Но первый круг без участия наместника приравнялся к оскорблению Тортура. Оставалось только выигрывать немного времени.

Отправив гонцов, Нэвлис сразу пошел в зал советов и занял свое место за длинным белоснежным столом со вставками из камня и стекла. Его пальцы нетерпеливо постукивали по подлокотникам кресла. Неужели, наконец! Новость о теме – его билет в новый мир! Естественно, он убедит отца, что должен поехать с Даром, куда бы там ни было! А уехав, несомненно, доберется до Оспари. Вернется ли обратно? Вероятность мала. Нужно заранее написать письмо отцу и матери. И, что еще более важно, не допустить казни Дархана... Ведь если вину за черную пургу повесят на него, то никакой поездки и вовсе не состоится.

От размышлений его оторвал быстрый стук каблучков по коридору. В зал влетела Майма в длинном белом платье с широкими рукавами. Темноволосая шаманка была едва ли старше Лиса, но двери в доме князя открывала без стука, уверенная, что ей все сойдет с рук.

– Где она?! – воскликнула Майма. В ее огромных черных глазах плескалась тревога. По правой щеке слезой спускалась татуировка в виде змеи.

– Соболезную, Майма, – медленно произнес Нэвлис. – Твоя сестра найдена мертвой. Ее дочь в порядке, но очень тяжело переживает, ее еле оторвали от тела матери. Корбу

усыпила ее, но тебе лучше пойти к ней прямо сейчас.

Майма пропустила мимо ушей его предложение и рухнула на стул.

– Великий Нум, когда это закончится? – простонала она. – Я слишком поздно предупредила их, черная пурга пришла так внезапно! Здесь точно не обошлось без прихвостней Уоюра! Сколько же мы будем еще бездействовать? С детства я слышу про этого клятого духа Гнева, но все сидят, сложив лапки! А несчастья растут как снежный ком.

– Как никто ничего не делает? Разве такая пурга могла закончиться сама? Дар остановил ее, бьюсь об заклад! – возразил Нэвлис.

– Дар лишь худо-бедно расхлебывает последствия, – скривилась Майма. – Проблему это не решает и людей не воскрешает. Душу щемит, как жаль малышку Нэдко! Она недавно отца потеряла, а теперь и мать. Пора наконец прикончить твоего дружка, и все наладится.

– Глупо и недальновидно кричать об этом, сестра костра. Если теперь Дархан умрет, подозрение сразу падет на тебя, – заметил наместник Идан, неспешно вplывая в зал советов. Холеный и вальяжный брюнет плотного телосложения выделялся на фоне аскетичных и подвижных северян. На его рукаве красовалась брошь с символом Ангардаса – треугольник, от которого в разные стороны отходят лучи.

Нэвлис и Майма сложили руки над головой в знак почтения, которого не испытывали, и шаманка заметила:

– Подозрение? Да люди в ноги будут мне кланяться, если у меня это получится. За него никто и белки не даст.

– Мне он очень дорог, – выразительно посмотрел Нэвлис на шаманку. Белку рисовали на бумажной купюре самой низкой стоимости.

– Очень дорог? Дороже пяти миллионов мамонтов? – лениво спросил Идан.

Нэвлис нахмурился. Эти могучие животные работали на рудниках, перетаскивая грузы, но наместник говорил о самых крупных купюрах в стране, которые мамонта изображали. Кто заплатит такие деньжищи за смерть шамана? Идан любовался озадаченным лицом молодого человека.

– Да, ты все верно расслышал. Если князь сам прикажет казнить шамана, то получит в подарок пять миллионов мамонтов и очень выгодное предложение – продавать сырую платину за границу, вместо того чтобы перерабатывать ее и отправлять в столицу.

– Что за бред? – выпалил Нэвлис, которого это заявление застало врасплох. – Но ведь сейчас все бумажные деньги решили заменить монетами из платины. Отправлять готовый металл в столицу – приказ короля. Как мы его нарушим?

«И как вообще ты, скользкий тюлень, появился здесь раньше Первого Круга?» – мысленно договорил он. Предложение наместника оказалось на удивление выгодным. Владельцы рудников платили огромные налоги за обработку металла, даже при том, что отправляли его в столицу для нужд

всего государства. Земля щедро делилась платиной, и северяне тратили на добычу массу сил, получая в уплату от Тортура копейки. В соседнем государстве дали бы справедливую цену, да и с сырьем возиться бы не пришлось. Но с какой стати он это предлагает, и при чем тут Дархан?

Лицо Идана напоминало морду кота, который вгрызается в сочного лосося:

– О Его Величестве не волнуйся. Есть у меня один друг по переписке. Он со мной поделился секретом: Тортур скоро откажется от идеи с платиновыми деньгами. И Изыски станут не нужны. Поэтому вас заинтересует мое предложение, если вы, конечно, не хотите оставить металл себе и жрать его. Когда князь согласится, я сведу его с покупателями. Ты знаешь, я крайне заинтересован. Ведь и сам владею тут малюсеньким рудничком, хе-хе. А шаман... Ну, сам понимаешь. Иностранцы не хотят партнеров с действующим вулканом под боком. Вы не можете его контролировать. Так что либо защищаете парня и голодаете всем регионом, либо соглашаетесь и жируете.

– Я не верю ни одному слову. Вы даже так говорите «будете голодать» как будто не имеете к нам никакого отношения. Но если король прекратит закупки, то мы потонем все вместе, – процедил Нэвлис, лихорадочно ища подвох в словах наместника.

– Я прекрасно плаваю, – загадочно улыбнулся Идан, – И в ваших интересах цепляться за меня как за обломок доски,

ниспосланный Небесным Отцом.

Майма скучающе слушала разговор, но вдруг хлопнула руками по столу:

– А можно я приведу приговор в действие? Хочу отомстить за сестру.

– Какая ты пылкая девочка, сестра костра, – заинтересованно оглядел ее Идан. – Только я тут совершенно ни при чем, понимаешь? Это же Дэнеул вынесет приговор. А вот и он, кстати.

Князь вошел, заметил Идана, и метнул в сына ледяной взгляд. Вслед за ним зал наполнили остальные члены Первого круга. Нэвлис уперся глазами в стол и беспокойно размышлял, едва улавливая топот, приветствия и скрип отодвигаемых стульев.

Для Дара этот приговор станет ударом в спину, ведь Дэнеул приветил сироту и тот почитал его как отца. Если и князь отвернется от Дархана, то он в лучшем случае потеряет волю к жизни и позволит себя убить, а в худшем – взорвется и уничтожит Изыски целиком. Смотря, в каком будет настроении... Нет-нет, нельзя его убивать, невозможно. Да к тому же тогда о триумфальном путешествии придется забыть. А шансы плохие. Лакомое предложение Идана и разъяренная Майма на одной стороне весов, а на другой он сам и...

Нэвлис поднял голову – нужна поддержка. И где же сам Дар? Опять прогуливает? Среди знакомых лиц Дара не оказалось, зато Нэвлис заметил Сармика и едва заметно кивнул

ему. Молодой шаман с хищными глазами и неизменными ко-сами ответил ему таким же кивком. Что ж, один возможный союзник есть. Сармику безразличен окружающий мир, пока ему весело и сытно, а это легко организовать.

Тут Идан поднялся на ноги, уперся мясистыми руками в стол и начал:

– Уважаемые члены совета Изысков! Я собрал вас сегодня затем, чтобы сообщить важную новость.

– Собрал? – Нэвлис поперхнулся.

– И это прекрасная новость, – улыбнулся ему Идан, – которая поможет нам убить двух зайцев одним ударом.

– Так вы уже знаете про видение, наместник? – спокойно перебил его Дэнеул.

Идан на мгновение остановился и сощурился, пытаясь понять, о чем речь. Князь воспользовался этой заминкой, и Нэвлис мысленно поклонился отцу.

– Да. Сегодня ночью, когда Дархан боролся с пургой, его ослепило видение, которым он со мной сразу поделился. Наш знаменитый тотем ожидает в пещере в диких горах Туярык на юге Ангардаса. В сводах пещеры обитают тысячи светлячков зелено-голубого цвета. Из-за них тотем будто стоит под звездным небом в морозную ночь. Он готов быть найденным. Его беззвучный зов так силен, что создает круги на воде в подземном озере и колышет разноцветные ленты, которыми украшена карликовая ива при входе в пещеру.

Воцарилось молчание и почтительное, и озадаченное,

но только одна помощница Идана, женщина с некрасивым удлинённым лицом и мелкими глазами, прыснула от смеха. Наместник ее поддержал:

– Ха-ха, не могу. Дэнеул, завидую вашему сыночку. Сказки вы читаете – прямо заслушаться.

Нэвлис медленно выдохнул и смиренно заметил:

– А я завидую вам, господин. У вас столько энергии, что вы еще в состоянии веселиться после того, как все утро помогли людям разгрести последствия бедствия.

– И вправду. Я не видел, чтобы наместник оказал хоть кому-то помощь, в отличие от Лиса, который распределил людей, – сурово заметил один из владельцев рудников, лысый и плотный пожилой человек.

Идан посерьезнел, скривил губы и угрожающе произнес:

– Я, пожалуй, сделал больше, чем вы, вместе взятые – написал королю о том, чтобы нашему региону выделили дополнительные средства на восстановление города и помощь людям. И жду благодарности.

– Да, это неоценимая помощь, – с нескрываемой иронией покивал Нэвлис. Он разозлился и уже не мог остановиться, но знал, что Идан тоже выйдет из себя, а это только сыграет на руку. – Надеюсь, на этот раз мы действительно получим финансовую помощь. А то в прошлый до нас дошли копейки, а у вас внезапно появился особняк в столице.

– Я слышал, что кочевники перво-наперво отучают щенков брехать без дела? Если я прав, то твой кобель вышел

бракованным, князь, – Идан сжал челюсть, и явно едва сдерживал гнев.

Нэвлис мысленно похлопал сам себе. Прекрасно. В таком состоянии он недостаточно обаятелен, чтобы заговорить зубы Первому Кругу и соблазнить их своим предложением. Будет время найти подвох.

– Если вы закончили с характеристикой моего сына, наместник, я продолжу, – сухо сообщил Дэнеул. – Вы не так давно в наших краях, и вам сложно поверить даже своим глазам. Духи существуют, хоть ваш разум это отрицает. И есть среди них такие, которым под силу уничтожить весь континент от Ледяного до Кипящего моря. Нас защищает только граница между мирами и божественные условности, которые мы нарушили, проведя роковой обряд. Я потворствовал покойному Ясавэю, но не понимал всей опасности сделок с духами. Отчасти все сегодняшние жертвы и моя вина. Так что я отправляю Дара в путь. Отныне он выполняет важнейшую миссию и всякий, кто захочет причинить ему вред, будет жестоко наказан.

– Прекрасно! – вдруг кивнул Идан, к удивлению Нэвлиса. – Путь шагает. Но только под присмотром нашей очаровательной Маймы. Я уже понял, что он на голову больной, и одного его нельзя оставлять. И пусть захватят с собой незаменимого малыша Нэвлиса. Нужен же им командующий.

– Вообще-то, сын требуется мне здесь, – потер подбородок Дэнеул, – но все же, да. Он единственный, кто может до-

стучаться до Дархана.

Нэвлис мысленно вознес еще одну благодарность отцу, но все же его обеспокоила сговорчивость наместника. Хочет избавиться от них навсегда? Еще и Майму подослал. Ну уж нет.

– Отец, полагаю, будет разумно взять еще одного шамана, чтобы они могли вместе сдерживать Дархана, в случае чего.

– Излишне, господин! – Майма притопнула ногой. – Я не позволю сомневаться в моей силе и в преданности вам.

– Никто не сомневается в том, что ты предана Северу и мне, Майма, – примирительно сказал Дэнеул. – Но предложение Нэвлиса разумно. Кам, ты отправишься с ними.

Мощный рыжеволосый шаман с кольцом в носу, который до этого молча подпирал стену, удовлетворенно кивнул. Нэвлиса удивило решение отца. Он видел, как эти двое разговаривали на улице, но не ожидал, что князь так быстро доверится новичку. Для Нэвлиса Кам оставался темной лошадкой.

– Предлагаю взять и Сармика! – припечатал он, указывая на своего фаворита.

Сармик резко вскинул голову, взметнув косами и хитро посмотрел на сына вождя глазами медового цвета:

– Я не прочь! Но взамен на звание Верховного шамана Талви после смерти нашей Корбу.

– Забудь, Смех. При всем уважении. Это место уже обещано мне, – твердо сказал рыжий Кам, перекрещивая руки.

– Эй, я еще вас двоих сопляков переживу, – возмутилась

седовласая Корбу, но тут же зашла старческим кашлем.

– Эти двое уже за пределами города глотки друг другу перегрызут, – засмеялась Майма, – но это неплохое развлечение, посмотреть кто кого. И потом, мне будет приятнее проводить время с мужчиной, доказавшим свое могущество на деле.

Девушка страстно сверкнула глазами, и оба молодых шамана заинтересованно взглянули на нее.

«Вот стерва. Да она их хочет перетащить на свою сторону, чтобы покончить с Даром!» – напрягся Нэвлис.

– Я уже предупредил, что за стычками последует жестокое наказание, – предупредил Дэнеул. – У вас есть общая цель, и она значительно выше шкурных интересов. Нэвлис проследит за порядком. И он по справедливости выберет нового Верховного шамана из вас троих, когда вернетесь. Не согласны – не идете.

Все трое нехотя сложили руки над головой и склонились перед князем и его сыном.

– А зачем вам нужна эта деревяшка, напомните? – очнулся Идан, который заподозрил, что упускает какую-то выгоду.

– В тотеме сидит могущественный дух Уоюр, – взяла слово Корбу. – Он мстит нашему народу за то, что в его честь не построили храм и не оказывают обещанных почестей. Мы хотели исправить сорванный обряд, но фигурку незаметно выкрал из чума юркий горноста́й. Мы точно знаем, что несчастное животное использовали духи-приспешники Уо-

юра. Мы тогда пошли по его следу и нашли разорванным, как бывает, когда дух вселяется в тело насильственно и кратко. Бах!

Корбу резко хлопнула в ладони. Нэвлис закатил глаза от этого театрального эффекта. Как есть, тоже сказочница. Всем хочется внимания, а по делу ни слова. Корбу продолжила:

– Кому горностай передал тотем, и куда его отнесли потом, доселе было неясно. Дархан лишь знает, что приспешников у Гнева четверо. И вот наконец вчера его посетило долгожданное видение! Парень связан с Уоюром и тотемом. Поэтому я всегда говорила, что нельзя его трогать. Убьем – Уоюр так и останется мстить через своих приспешников. Пусть идет за тотемом и...

– Приволочет и придется строить проклятый храм? Денег нет! – быстро вставил Идан.

– Среди нас есть сторонники такого варианта, – недовольно ответил Дэнеул, – но я приказал Дару сделать все, чтобы выпустить Уоюра обратно в мир духов. Никаких больше договоров.

– У меня стойкое ощущение, что вы сейчас забиваете себе голову мхом, – зевнул Идан. – Я верю, что эти ваши духи что-то могут в нашем мире. Но вообще все неприятности на них списывать? Попахивает каким-то наивным самообманом. Впрочем, ладно, да убережет вас Небесный Отец. Майма, подойди ко мне. У меня от лица короля Тортура есть

к тебе пожелание по поводу этого Уоюра.

Совет Первого круга закончился. В этот раз никто не стал протестовать против воли князя, которого поддержал и наместник. Идан отправился куда-то поговорить с шаманкой, а Дэнеул отозвал Кама в сторону. Нэвлис догадывался, что отец поручил ему убить Дара, если что-то пойдет не так. По этой же причине Нэвлис отвел в сторону Сармика и коротко с ним побеседовал:

– Сармик, ты знаешь, Дар – мой лучший друг. Но если он выйдет из-под контроля, то я рассчитываю на твою поддержку. И вообще, я не хочу его тревожить по пустякам, поэтому моим помощником в дороге станешь ты. Мне нужно полное подчинение взамен на безграничное уважение. И, конечно, я обещаю заботиться о сытости твоих особенных питомцев. В разумных пределах.

– Лис, твои обещания хороши, как всегда, – плотоядно улыбнулся Сармик, – но я просил место верховного шамана.

– Я не могу дать гарантии. Ты должен понимать, что не все так просто, – пожал плечами Нэвлис, – но если ты покажешь свою лояльность, то получишь от меня и материальную благодарность, и подспорье в будущем. У меня большие планы на это путешествие, да и вообще на жизнь. Мне давно тесно в Талви вместе с наместником и отцом.

– По рукам, – присвистнул Сармик, что-то прикинув в уме. – Я в тебя верю. И за питомцев спасибо. Знаешь, на что надавить. Уверен, они тоже ждут не дождутся, когда мы от-

правимся.

Оба спустились в главный зал, где обосновалась временная лечебница – на шкурах лежали обмороженные, пришибленные и расцарапанные люди. Над одними из них склонились лекари с бинтами и мазями, а возле других ходила Корбу, стуча колотушкой в бубен. Поморщившись при виде этого хаоса, Нэвлис подумал, что нужно бы подыскать посильные дела для всех тех обездоленных, что останутся ужинать и ночевать в доме его отца. Обычно он без отказа помогал северянам, но твердо придерживался своего излюбленного закона «давать-братъ», поэтому старался получить отдачу хотя бы знаниями. Вдруг ему на глаза попало длинное белое платье. Майма сидела на полу в углу зала, возле милой маленькой девочки, свернувшейся на шкурах.

Нэвлис невзначай подошел поближе к одному из лекарей, якобы следя за его работой.

– Нэдко, ты помнишь меня? – тихо спросила Майма, прикоснувшись к девочке.

Та не реагировала. Кто-то сердобольный притащил ей щенка лайки, и она крепко обнимала притихшего пушистого малыша. – Нэдко, я отправляюсь в путь, чтобы покончить со всеми несчастьями, терзающими наш народ. Когда вернусь, я возьму тебя к себе жить.

– Я хочу к маме, – прошептала Нэдко. Лицо ребенка осунулось, и сквозь кожу четко проступали очертания маленького черепа.

– Мама теперь живет в тебе, моя дорогая, в твоих воспоминаниях, в твоей крови – Майма говорила сдавленно, сдерживая рыдания. – Ты обязательно должна жить, ты – ее продолжение. Путь мамы закончен в этом теле, но ее душа еще некоторое время с нами на земле и наблюдает за тобой. Ты же не хочешь, чтобы мама грустила, видя, как ты страдаешь? Поговори с ней.

– Мамочка, лучше бы я умерла с тобой, – захлебнулась рыданиями Нэдко. – Забери и меня к себе!

– Нет, солнышко, ты не умрешь, – Майма покачала головой и погладила девочку по волосам. – Я не смогу заменить тебе мать, но сполна отомщу виновнику ее гибели. А после этого обрету невиданную силу, и весь Ангардас склонится перед Изысками. И, клянусь, я позабочусь о тебе. Ты станешь моей преемницей и принцессой.

Казалось, девочка не слышала ни слова из тирады Маймы, но плакать она перестала. Майма поцеловала племянницу в лоб и ушла собираться, а Нэвлис уселся и принялся вертеть свои кольца на пальцах. Так-так, похоже, Майма надеется еще раз повернуть обряд и стать новым партнером Уоюра. Разрушить ее планы или перетащить на свою сторону? Тут его размышления, в который раз за день, прервали.

К сыну князя подбежал Алимка, паренек, который работал в доме Дэнеула гонцом, и затараторил:

– Молодой господин, я подслушивал, позволь мне пойти с вами! Я так мечтаю о путешествии! Я так хочу посмотреть

мир, это будет самым ярким событием в моей жизни! Я...

– Понимаю твои чувства, Алимка, – прервал его Нэвлис, – но искренне не советую увязываться. Шаманы – сложные люди. Особенно в таком количестве. Я не гарантирую безопасность и не собираюсь за тобой присматривать. У меня есть дела гораздо важнее.

– Меня даже смерть не остановит! Это шанс, который бывает раз в жизни! – Алимка пылко прижал руку к сердцу и лукаво подмигнул Нэвлису. – А кто среди этих сложных людей, включая тебя, будет готовить?

– Сихиртя с тобой! – махнул рукой Нэвлис.

Ему подумалось, что безобидный и непосредственный парень и вправду разбавит гнетущую атмосферу в их компании. Только бы не через свой труп.

Г

лава 9. В петлю и обратно

Село Большой Яр, неподалеку от Изысков

Эслин плакала во сне. На грубом дощатом полу слезы смешались с засохшей кровью. Всхлип разорвал тишину как выстрел. Эслин дернулась, вскочила и ошалело осмотрелась. Взгляд ударился о ржавые прутья, и волна свежих воспоминаний смысла остатки сна.

Она в полицейской управе этого богомерзкого села! Что вчера выплюнул тот грязный боров в форме, когда притащил ее сюда? Виселица в полдень?! Да быть не может...

Маленькое зарешеченное окошко выходило на таежный

лес в рассветных лучах. Эслин вдохнула полной грудью и принялась отрешенно переплетать косу из волос, спускающихся до колен... Как же ей раньше нравилось сооружать себе хитрые прически, подводить глаза, красить губы в цвет плодов шиповника... Вот бы сейчас обновить узоры на теле, что служили не только украшением, но и памятью!

Она горько усмехнулась. Нелепо думать об этом в ее положении. Едва вырвалась из одного плена, и тут же попала в новый.

Роковая нелепость случилась вчера утром. Эслин, затравленно, как побитая собака, выбежала из леса к домам, чтобы попросить еды у какой-нибудь доброй женщины. Возле колодца на окраине селения беседовали трое крепких парней в белых праздничных рубашках с вышивкой. Эслин поспешила скрыться, но ее окликнули:

– Эй, красавица! Иди сюда, не обидим! Хочешь пить?

Жажда поборола страх. Она медленно подошла и приняла из рук загорелого шатена железное ведро, на дне которого плескалась вкусная ледяная вода. Эслин сделала несколько жадных глотков и собралась уйти, но привычка угождать остановила ее, когда этот же парень открыл рот:

– Слушай, а ты, часом, не лесная жена?

– Кто?

– Ну, лешачиха. У нас байки травят про девиц-оборотней. Охотник уйдет на промысел в леса, заскучает по жене вечером, а тут раз – жена и входит в хижину. Или другая красот-

ка. Порадует, согреет, а потом задушит и съест.

Эслин со слабой улыбкой пожала плечами, а второй парень хмуро пробурчал:

– Пусть чешет дальше. Правда твоя, Сон, может и нечисть. Волосы вон какие отпустила, одета в рванину, чумазая, да еще тело размалевано.

– А пусть и нечисть. Говорить-то может! Так и найдем общий язык, – парень подмигнул Эслин. – Сон – это мое погоняло. Девушкам дарю луну, звезды и сладкие воспоминания наутро. А те, кто перешел мне дорогу, спят мало и только со светом, – Сон рассмеялся, и его спутники подхватили веселье.

У Эслин громко заурчало в животе, и парни рассмеялись еще громче, а Сон протянул ей руку:

– Пошли с нами, повод есть. Сестренку мою замуж выдаем. Гудим всем Яром третий день, сейчас вон столы по новой накрывают. И тебя посадим. Я, кстати, тут будущий староста.

Эслин позволила увести себя в село, то и дело ощущая на спине прикосновение мужской руки. Сын старосты что-то самодовольно рассказывал и махал рукой на деревянные дома, а Эслин рассуждала о том, что все идет хорошо. Хотя ее до скрипа сжатая челюсть вопила об обратном. Да она налысо побреется, если он не потребует от нее ответную и весьма теплую любезность за пищу и кров!

Впрочем, это все меркнет по сравнению с тем кошмаром, в котором она потеряла свой дар.

Будь при ней Зеленые Нити эмоций, легко заставила бы подарить ей коня и отпустить... Что ж, хоть рассудок сохранила. Неужели не сможет и так улизнуть от бесхитростных селян? Все получится. В конце концов, предстоит долгий путь домой. Нужно отдохнуть и запастись едой. Эта мысль ее слегка воодушевила.

Перед тем как идти на праздник, Сон привел ее в дом с растопленной баней. Пока девушка раздевалась, хозяйка притащила все необходимое для мытья и с откровенным неодобрением уставилась на узоры, которые браслетами обвивали руки и ноги незваной гостьи, и на причудливое солнце под грудью.

Эслин чужой взгляд не волновал. Она наскоро помылась и приняла от хозяйки широкий темный сарафан на тонких лямках и белую рубашку с рукавом по локоть. В столице девушка привыкла к парче и шелку, но и лен с хлопком пришлись ей по вкусу. Она искренне поблагодарила женщину и попросила тряпицу, чтобы унести в ней что-то.

– Ну, чистая-шелковистая, – с усмешкой сказал Сон, встречая ее на улице. – Пора за стол. Мы вчера прям по-свиначьи увалялись. Все еще поправляются, а я уже на ногах, с новой девицей. Да еще какой!

Парень выдержал паузу, ожидая смущения или улыбки, но Эслин сосредоточенно шагала вперед, глядя на дорогу. Тогда Сон недовольно спросил:

– Так язык все-таки есть или поискать? Сама откуда во-

обще? Как у нас оказалась?

Вопрос выбил Эслин из колеи.

Наверняка он ее ищет... Не стоит облегчать задачу и оставлять за собой след...

– Да я из Заречного, на свадьбу и приехала. Со стороны жениха. Меня Артур пригласил, я его племянница, – медленно ответила она, наблюдая за реакцией.

– Ох, ну это не ближний свет, дня три ходу – покивал Сон. – Ты поэтому припоздала? Так надо было раньше выезжать, мне тебя вчера не хватало.

Он подмигнул, а Эслин выдохнула. Как удобно, что названия сел незамысловаты, а знакомый Артур есть у каждого второго. Теперь нужно надавить на жалость и уехать до темноты.

– Так в пути меня обокрали. Коня, телегу с подарками, все увели! Благо не так много осталось, доплелась по тракту. Страху натерпелась, устала до смерти, но хоть честь сберегла, – грустно объяснила Эслин и задержала на парне молящий взгляд.

Тот довольно прищурился и придвинулся ближе. Переборщила... Впрочем, Сон пообещал ей дать все необходимое и посадить на обоз своего дяди, который завтра отправлялся торговать в нужном ей направлении. Они дошли до площади в центре села, где стоял самый нарядный двухэтажный дом. Возле дома стояли буквой «П» столы, которые накрыли вместо скатертей шкурами быков и лошадей, очевидно, в дань

традициям предков. Слуги бодро убирали с земли бутылочные осколки и расставляли тарелки с едой и кружки.

Нарядные селяне рассаживались с суетой и смехом. Каждый успевал кинуть на девушку любопытный взгляд. Послышались удивленные и раздраженные шепотки, когда довольный Сон провел ее к главному столу и усадил рядом с собой. Эслин заметила, что староста, занявший место возле молодых, посмотрел на сына одобрительно, а его жена цокнула и скривилась.

Плывать, что они думают. Эслин не собиралась тут задерживаться даже на ночь. Плывать, что говорят. Ей бы добратся к своим, да не рассыпаться по дороге. Она сейчас как разбитая ваза, непрочно и неправильно склеенная. И главное – пустая. Эслин даже не позволяла себе задумываться о том, что ее ждет дома. Кому она теперь нужна без дара, кем она будет?

От тягостных мыслей ее вскоре отвлекли. Празднование третьего дня началось с обряда кормления духов. Эслин никогда не уезжала на север Ангардаса так далеко, и теперь с удивлением смотрела как местный шаман развел на площади костер. Он пришел в меховой накидке и шапке, несмотря на жару. На шапке красовался череп козленка. Шаман бросил в огонь куски жира и громко попросил у духов благословения для молодых. Затем слуги вынесли мясо, и начался пир под веселую народную музыку.

Эслин обожала петь и танцевать, и теперь она напитки-

вася неизвестными раньше мотивами. Потом звучали душевные тосты с пожеланием скорейшего появления первенца-мальчика, люди пели, пили, танцевали, снова пили. Мужчины соревновались в стрельбе из лука, в заарканивании коней и северных оленей. Породнившиеся семьи громко брались, выказывали уважение друг к другу, играли. Эслин даже приподняла краешки губ, когда молодой зять носил тещу на стуле.

Сон становился все пьянее, а ее узелок из ткани все полнее – сыр, хлеб, яблоки, вяленое мясо. Девушка заметила вдалеке несколько коней на свободном выпасе и решила увести одного из них. Стемнело. Последними аккордами стали украденные ею спички и рука сына старосты на ее груди.

– Мне нужно отойти, – улыбнулась Эслин и поднялась, но парень схватил ее за руку.

– И я прогуляюсь.

– А я по нужде, подожди меня тут, – она высвободила руку.

– Провожу, а то ты пьяненькая, – заверил ее Сон, который сам едва ворочал языком, но пылко сокращал между ними расстояние.

Эслин взволнованно сжала губы. Если они уйдут вдвоем, то за ними следом точно никто не потянется, а с одним пьяным парнем она должна как-то справиться. Жаль, что ей не удалось стянуть ничего лучше небольшого ножа, который она завернула в пояс и привязала на талию.

Жаль, что ей больше не подвластны Красные нити, которые позволили бы уложить его мизинцем.

Теперь Эслин могла рассчитывать только на свои навыки самозащиты, а они были, мягко сказать, ниже среднего. И ей предстояло в этом убедиться. Едва они отошли чуть дальше от бурного веселья за один из домов, Сон прижал ее к стене и начал активно шарить руками по ее телу.

– Милый, мне правда надо, пусти, – раздраженно сказала Эслин и оттолкнула его от себя.

– Так отойди за угол, а я твой узелок подержу, – в таком же тоне ответил Сон. – Ты что, хотела улизнуть с подарочками без «спасибо»?

Внезапно Эслин поняла, что парень не так уж сильно пьян, как ей показалось.

– Ладно, – Эслин старалась разобраться по-хорошему. – Слушай, ты очень добрый человек, ты спас меня. И теперь я верю, что ты поймешь меня и отпустишь домой. Мой отец тоже староста и он щедро тебя отблагодарит. А может, наши родители даже договорятся о свадьбе? Конечно, если я вернусь домой целой.

Она робко поклонилась и бочком двинулась к лесу, но Сон преградил ей дорогу. Его глаза потемнели от злости и возбуждения.

– Хватит мне тут в уши лить! Достойный отец свою дочь одну никуда не пустит. Понятно же про тебя все... Веди себя хорошо, и я выполню обещание. И так уже долго жду! Мог

бы даже не кормить, а взять с парнями там же у колодца.

Сон резко свел ее руки у нее за спиной, со смехом прикусил девичью шею и принялся возить влажными губами по коже. Сжавшись от омерзения, Эслин лихорадочно крутила в голове исходы – есть ли у нее шансы в драке или лучше перетерпеть этот кошмар и спокойно уйти до рассвета? Ведь здоровяка не унять одним ударом, пусть и ножевым...

– Молодец, добром же лучше, – бормотал Сон, ослабляя завязки штанов. – Вот так, хорошая девочка, стой спокойно.

Эслин вдруг передернуло всем телом, и она резко выпала:

– Не говори со мной как с коровой на дойке! Или не на дойке. Кто знает, какие у вас тут в захолустье развлечения...

Парень поднял на нее глаза и замер. Его взгляд источал такую звериную ярость, что Эслин окатило страхом, как ледяной водой из ушата. Она мигом пожалела о своих словах.

– Да я тебя всю разуважил, неблагодарная! – взревел Сон.

– Не кричи! – шепотом взмолилась Эслин. Трясущимися от волнения пальцами она аккуратно ослабляла пояс и надеялась, что это выглядит так, будто она сдается.

– Вот так подбирай всяких псин шелудивых! Ты даже не можешь дойти своим куриным умишком, какую я тебе честь оказал, – орал будущий староста, брызгая слюной. – Да любая на твоём месте бы на ушах стояла, лишь бы мне услужить...

– Заткнись, просто заткнись, ты все испортишь, – в отчая-

нии бормотала она, почти не слыша его – так стучало в ушах.

Она быстро замахнулась и ударила. Нож вспорол ему бок. Сон зарычал, но схватил ее за запястье левой рукой, а правую сжал в кулак. Удар. Хруст. Голову Эслин резко откинуло, в глазах заискрилось. Она пошатнулась, вцепилась в него и принялась молотить бездумно, куда придется, но он быстро повалил ее на землю, выбил дух, и еще раз приложил головой так, что Эслин завывала и жалко скрючилась, ощущая острую боль во всем теле и кровь во рту.

С праздника к ним побежали на крики несколько человек.
– Схватите эту тварь! В нее злые духи вселились!

Пока Эслин поднимали, Сон в окровавленной рубахе успел еще раз вмазать ей по лицу так, что в местную управу ее не вели, а тащили.

И вот вчерашний полицаи уже звенел ключами и отпирал дверь, чем и вернул Эслин из воспоминаний.

– На вот пожуй напоследок! – мужчина поставил на пол тарелку с остатками вчерашнего пира, и собрался закрывать дверь.

– Что значит напоследок? Я лишь вашего жеребца поцарапала легонько, – просипела Эслин внезапно пересохшим горлом.

– А то и значит. Помост сейчас сколотят. Уважаемый человек в тебе абасы распознал, а мы эту нечисть с корнем рвем, не мешкая, – раздраженно сообщил полицейский, держась за голову.

– Да никакая не нечисть я! Где суд? Кто тут главный? И как повесят-то? Король Тортур же отменил смертную казнь!

– Ну так, где король, а где мы? – полицмейстер даже рассмехался. – Живем на отшибе, дальше только эти отмороженные в Изысках. Может, столице и отменили, а у нас тут никто нянчиться с преступниками не будет, некуда их сажать и довольствия нет. Староста приговор вынесет.

– Но ведь по закону преступников и отправляют в Изыски на копи?! – Эслин начало трясти.

– Ну из столицы они как-то всех скопом и отправляют с конвоем. А нам оно надо малым отрядом по здешним лесам какую-то мразь таскать? В чаще абасы так и кишат. Ты лучше спасибо скажи, что на месте не забили. Могли ведь, кабы я не подоспел. А теперь все чин по чину будет, быстро и чисто.

Эслин слушала, и ее колотило все сильнее.

– Ну ладно, за неискупимые преступления, убийство, а меня-то за что?! Вы даже не знаете, кто я! Все ваше драное село вырежут и сожгут за меня! Я из столицы, вообще-то! – бессилие и ярость затопили ее изнутри и начали выплескиваться через глотку, голос зазвенел.

Страж порядка зевнул, достал из ее тарелки кусок пирога, откусил и помахал им перед ее носом:

– Страсти какие... Хватит, девка. Забыла, куда попала? Тут тебе не середина, начинкой забитая. Тут корка черствая. Край! Кто сюда попал – тот следы свои забрал, – он усмехнулся, довольный рифмой, откусил снова и прогово-

рил, жуя. – Много здесь заезжих сгнуло, и опальных благородных, и ученых, которых в снега нелегкая несет. Вон у меня над столом список с именами висит. Ищем. Со всех сил. Ладно, ты есть будешь, нет?

Он обтер об штаны руки, крикнул, поднялся и запер замок. Удаляющиеся шаги еще долго звучали в ушах Эслин. Шторм в душе быстро стих, волны негодования устало улеглись. С каждой минутой ее все сильнее затягивало в бездну отчаяния. Ради чего ей бороться, ради кого...

Весь ее маленький отряд, все, кто приехал с ней сюда спасать других, мертвы. Потерянная, изможденная, она и сама теперь полезна для своих соратниц не более, чем покойница. Мать всегда предпочитала ей брата, а год назад и вовсе пожелала ей смерти от пыток. Все ее бывшие покровители уже нашли себе новые объекты любовного интереса. Так может это гордыня – быть столь жалкой и желать при этом спасения?

Эслин глубоко вздохнула, сложила ладони и подняла их над головой:

– Небесная Госпожа, Мать всего Сущего! Не осталось ни сил, ни слов, говорить с тобой. Ты протягивала мне много Нитей. Ты, наверное, увидела мои чистые намерения. Но я оказалась с самого начала негодной, раз меня так просто ударили и сломали. Если ты во мне разочаровалась, то дай смирения уйти с достоинством и легко.

Эслин прислушалась к себе – все ли мертво или есть хоть

одна искра – и тогда продолжила:

– Но если ты спасешь меня снова, то обещаю вытянуть себя за волосы и действовать во имя твоей славы. И ты больше не услышишь нитье.

Эслин приложила левую руку к сердцу, широко отвела ее в сторону, и принялась за завтрак. Вскоре за ней пришли, скрутили руки и снова привели к знакомой площади, только теперь с обратной стороны дома. Там стоял небольшой помост с виселицей, и Эслин вновь захлестнуло паникой, она никак не могла нормально вдохнуть. Вокруг помоста собрались люди, а в центре стоял перевязанный Сон с отцом.

Обвинение в том, что она дух, Эслин даже не восприняла всерьез. Внутри теплилась надежда, что разум восторжествует и такой глупый предлог вызовет негодование хоть у части селян. Но увидев их настороженные глаза, воздетые руки с образами Небесных родителей и какими-то оберегами из дерева, она поняла, что в северной глуши такой причины и впрямь достаточно для повешения. Холод быстро поднялся по телу. Ее подвели к веревке.

Сон дождался кивка отца, прокашлялся и заговорил:

– Как все вы знаете, абасы постоянно рыскают в Среднем мире среди людей. Им нет большего удовольствия, чем вселиться в нечистого душой человека и через него испытывать плотские наслаждения – чревоугодие и ... прочее.

В толпе захихикали, додумав прочее.

– Вчера эта девушка вышла из леса и, увидев ее, я сразу

заметил, что этим телом уже управляет злой дух. Она пыталась меня очаровать, и я даже захотел спасти бедняжку и отвести к нашему шаману, но понял, что поздно – ее разум полностью подчинился абасы.

У Эслин сами собой поднялись брови от такого описания их встречи и от того, как Сон вальяжно и властно себя ведет. Все напряженно слушали.

– Когда и абасы, сидящий в ней, понял, что я все знаю, то он прыгнул на меня и ударил с нечеловеческой силой, едва не разделив пополам. Я начал биться с ним, и с трудом одержал победу. И теперь очень важно довести дело до конца – повесить ее, чтобы дух застрял в этом теле и больше не бродил среди нас.

В толпе одобрительно захлопали и засвистели.

– А вам я советую внимательнее относиться к чужакам, особенно девушкам и особенно тем, кто строит вам глазки и ведет себя непочтительно. Возможно, что внутри уже идет разложение.

Селяне согласно закивали, и кое-кто начал рассказывать старосте с сыном или стоящим рядом о своих встречах с очень подозрительными девушками. Эслин внезапно разобрал нервный смех, и она весело воскликнула:

– Ну и бред ты несешь! Или тут принято казнить девушек, с которыми не срослось? Конечно, если мужская сила подвела, то проще избавиться от свидетеля, чем пойти лечиться.

Кое-кто заулыбался, некоторые прыснули. Сон покраснел

и заорал:

– Что встали? В петлю несчастную! Только дух и может себе позволить глумиться перед смертью, потому что привык прыгать из тела в тело. Но не в этот раз!

Из толпы вышел местный шаман. В этот раз он был одет в зловещую рубашку, отделанную мелкими костями. Полицмейстер связал осужденной руки сзади и накиннул петлю на шею. На Эслин опустилось странное тягостное спокойствие, и она твердо проговорила:

– Ладно, раскусил. Я – злой дух. И перед смертью скажу: еще раз попробуешь совершить насилие – заболеешь и за месяц сгниешь заживо, понял?

Сон побледнел и подал знак затягивать веревку. Внезапно все услышали крики, громкий топот и мычание. Из-за домов выбежали несколько перепуганных селян и буквально вылетел гигантский рыжий бык с острыми рогами, который их преследовал. Среди селян бежали два странных мужчины – подросток в белой меховой шапке и парень постарше с хищным лицом и двумя длинными черными косами, которые развевались при беге. Они оба хохотали.

Бык выбежал на площадь и раскидал нескольких человек по земле. Остальные кинулись врассыпную. Кто-то залез на ограду дома, кто-то на помост к Эслин, на деревья. Добрая половина разбежалась по домам, уловив удачный момент. Староста влез на верхушку виселицы и закричал:

– Эй вы, быстро в сарай, принести сюда веревки и вилы!

И еще ведро с зерном и самогоном, на всякий случай!

Сон и еще пара мужчин рванули в указанном направлении, но остальные застыли на местах, разглядывая огромное животное.

Бык на голову возвышался над людьми и двигался при этом резво и сознательно. Он не отвлекался на траву, препятствия и яркие тряпки, а увлеченно гонял людей и норovil хоть кого-то покалечить. Едва кто-то пытался слезть на землю с возвышения, гигант стремился туда и практически скидывал беднягу на рога. Из-под копыт летела пыль, раздавалось грозное утробное мычание. И только двое чужаков, которые явно выделялись среди остальных, словно играли с быком и дурачились. Они прыгали прямо перед ним, маячили перед мордой, манили к себе и смеялись, когда едва успевали уйти из-под удара. Хищный парень с косами даже умудрился залезть на быка и соскочить с него, пока тот пытался запрыгнуть на помост к кричащим там людям.

Пораженная не меньше других, Эслин под шумок сняла с шеи веревку и огляделась по сторонам. Издалека за быком наблюдали три всадника – двое мужчин и одна женщина в капюшонах.

Вернулся Сон вместе с двумя помощниками. Они попытались окружить озлобленное животное и накинуть ему веревку на шею. Их попытки одна за другой терпели поражение, бык уворачивался от вил, сбрасывал петли и, в конце концов, чуть не сокрушил одного из ловцов ударом острых

рогов.

– Помогите им, трусы! Слезайте! – командовал староста. –

Пусть кто-то приведет лошадей, пока мы его отвлечем!

– Нет! Ни за что! Не слезем! – закричали ему в ответ.

– Да почему? – Сон с трудом увернулся от быка и тоже вскочил на помост.

– Так это явно злой дух! На помощь первому пришел!

– Кстати, а где первый?

Эслин уже соскочила с помоста и бежала к удаленному стойлу. Бык в это время подошел к ведру с брагой, и принялся шумно лакать. При этом он не забывал о своих пленниках и яростно загонял обратно тех, кто пытался отправиться в погоню за беглянкой. Староста приказал ждать, пока пойло подействует на животное. Сон с ненавистью смотрел, как Эслин со связанными руками открыла денник, с трудом влезла на приметную пегую лошадь, зубами взяла поводья и понеслась в сторону леса.

Пока беглянка скакала, она увидела, что один из чужаков-наблюдателей, поманил рукой двух странных парней. Бык прикрывал их отступление: выбил из рук старосты вилы и смачно боднул его сына напоследок.

А украденная лошадь внесла Эслин в долгожданный лес и поскакала по тропинке.

Глава 10. Странные попутчики

Мягкий лес, север Ангардаса

Эслин скакала, пока восторг от доброты Небесной Матери не уступил место тяжести и боли в мышцах. Верховая езда со связанными руками – сомнительное удовольствие даже для опытных наездниц. Она сжала лошадь коленями, приказывая остановиться, неуклюже спешила и огляделась. Узкая протоптанная дорога уводила ее все глубже в гущу Мягкого леса. Название ему дал мох разных сортов и цветов, который обильно застилал землю и высоко взбирался по стволам деревьев. Лес готовился ко сну и разговаривал с ней тихим шелестом, скрипами, шелканьем. Эслин вспомнила слова сына старосты о том, что отсюда до Заречного три дня, а в этих местах обитает неведомая сила. И дикие звери, конечно. Душевный подъем пошел на убыль. Воды, припасов, спичек, теплой одежды и ножа с собой у нее не оказалось.

Решив начать с малого, Эслин слегка углубилась в чащу, набросила поводья лошади на сук, подошла к крупному камню с острым краем и принялась перетирать веревку на руках. Когда беглянка наконец освободила руки, они сильно болели и кровоточили там, где кожа терлась о камень вместе с веревкой. В лесу стемнело еще сильнее, оживились ночные птицы. Их пронзительные крики тревожно разбивали тишину. Девушка нашла сухое место под деревом и почти обло-

котилась на ствол, но тут же подпрыгнула как ужаленная. Из соседних кустов на нее смотрел пустыми глазницами крупный череп с рогами. Отдых ей сегодня не грозил. Тонкий сарафан словно притягивал холод, а каждый шорох рисовал в воображении хищников и чудовищ.

Послушная лошадь распробовала подходящий ей мох и флегматично жевала. Эслин одолела жажда и она выжала из того же мха влагу, чтобы смочить рот. Вдруг они с лошадью разом встрепенулись – неподалеку звучала человеческая речь. Ругались мужчины.

Эслин едва удержалась от того, чтобы вскочить на лошадь и дать деру – незнакомцы могут последовать за ней, услышав топот. Кто же это? Селяне наверняка не торопятся и пустятся в погоню с утра, если захотят. Ее враги? Кожа вмиг стала гусиной. Да, взять с нее теперь нечего, но она свидетель и точно приговорена. Но станут ли они рыскать по чаще? На их месте она бы поджидала себя в ближайшем селе, мимо которого не пройти, если не хочешь сгинуть в тайге. Да, это те странные путники из Яра.

Эслин решила проверить догадку и двинулась на голоса. Близость других людей уменьшала ее животный страх перед дремучей чаще. Можно ведь просто заночевать неподалеку от них. Наконец, девушка приблизилась достаточно, чтобы все рассмотреть и расслышать.

– Вставай, скотина домашняя! Слышишь, Кам? Куда ты так нализался? Сихиртя бы тебя утащили! – раздраженно

кричал молодой мужчина с длинными белыми волосами и крупной драгоценной брошью на груди. Он ругал и пинал крепкого рыжеволосого спутника с кольцом в носу. Тот не реагировал – блаженно развалился, опершись спиной на ствол и едва не храпел.

– Бросай его, Нэвлис! Мы уже костер развели! – окликнула блондина единственная в компании девушка. – Встанем на ночлег здесь, раз уж так.

Эслин засмотрелась на нее: невысокая и хрупкая, загорелая, с черными волосами и такими же черными глазами. Она сидела возле огня в светлой меховой накидке и платье с широкими рукавами. Голову украшала повязка со свисающими нитями бисера разных цветов. Девушка проделывала то же, что и шаман в селе, которого видела Эслин – бросала в огонь кусочки жира, нежно шептала что-то и замысловато водила руками.

Рядом с ней в белой меховой шапке сидел юноша с большими карими глазами. Карманы его рубашки и брюк были набиты до предела. На шее висел бинокль, а с наплечной сумкой он похоже не расставался и во сне. Юноша нанизывал куски мяса на палку, слегка высунув язык от старания. Спиной к Эслин сидел еще один худой и высокий мужчина в черном, лица которого она не могла рассмотреть. А рядом с ним – молодой brunet с двумя косами, которого девушка тоже видела на площади, и запомнила острый нос и резкие черты лица. Вблизи оказалось, что у него узкие медовые гла-

за.

– Отвратительно! – воскликнул Нэвлис и оставил пьяного Кама в покое. – Мы могли бы продвинуться еще дальше, если бы не эти остановки на поспать, поесть, напиться, подраться, помириться и полечиться. Почему же все шаманы такие капризные и эгоистичные, как маленькие дети?

– Это не только шаманы, это все мужчины! – засмеялась брюнетка у костра.

Парень с двумя черными косами расслабленно подхватил ее веселье.

– Тебе лишь бы посмеяться, Сармик. А ведь из-за тебя все и началось! – резко развернулся к нему Нэвлис.

– Не кипятись, командир! – ответил Сармик, примирительно поднимая руки вверх. – Там повод был крепкий. Мы с Камом же вперед вас вышли. Заехали в то село и увидели, как на первом дворе толпа собралась, тушу косолапого разделывать. Каким ветром, говорят. А мы им – откуда зверь? Отвечают, мол, сам на охотников вышел и напал, ну и пристрелили в честь свадьбы. Провели обряд, извинились перед бурым. Сказали, что не они убили. Ружье убило. В общем, слово за слово, и нам угоститься предложили.

– И что же, вас хозяева недостаточно уважили? – недоверчиво нахмурился Нэвлис.

– Уважили чин по чину, – замахал руками Сармик. – Просто очень уж там один товарищ плохо работал. Торопился, кости рубил. Мы им взялись помочь. Раз сказали – осторож-

ней! По суставам разбирай. Как потом останки хоронить в таком виде? Шутка ли? Он поддакивает, знаю, мол. И опять! К слову, они там все со вчерашней гулянки еще не отошли. Дышали так, что сам чуть не захмелел. Но у этого еще и руки тряслись. Разве гоже за такое дело братья?! Ну, мы его и отстранили ласково. Но местные на нас ополчились. Чего руки распускаем, вдруг дух хозяина тайги увидит. А мы им – что они и без нас уже «дедушку» прогневали. Так и закипело. Так что, пока женщины заканчивали с тушей, мы мужиков остудили. И опять же! Заметь! По-хорошему. Кам их просто в обличье ие-кыла погонял.

Нэвлис вздохнул и промолчал. Неожиданно всхрапнула лошадь, которая стянула с ветки поводья и потянулась к людям. Сармик ловко вскочил, рванул на звук, и через миг его медовые глаза сверкнули перед ее лицом. Мужчина схватил ее за руки и втянул на поляну.

– Смотрите, кого я поймал на ужин! – объявил Сармик, пристально разглядывая Эслин, застывшую от неожиданности.

– Ну так и разделявай сам по правилам, – подколот его парнишка в шапке.

– Ну, раздеть так точно не отказался бы, – вынес вердикт Сармик, бесцеремонно прикасаясь большим пальцем к завитку мехенди под ключицей Эслин.

– Сармик, хватит, – Нэвлис по-хозяйски уселся у костра и поманил Эслин подойти. – Милая, как тебя зовут?

– Меня зовут... Амина.

– Очень приятно, Амина, – с деланной учтивостью сказал Нэвлис. – Но еще приятнее общаться с людьми, которые представляются настоящим именем.

– Эслин.

– Прекрасно, Эслин. И что же побудило тебя совершить ночной променад по этой гостеприимной чаще? – продолжил Нэвлис великосветским тоном.

– Прошу, возьмите меня с собой до ближайшего села, – выпалила Эслин, выдерживая взгляд самоуверенного блондина.

Раз ее обнаружили, терять нечего. Эти люди не показались ей такими дремучими как селяне. Необычная одежда и разговоры выдали в них жителей Изысков.

Северный регион Ангардаса славился залежами платины и драгоценных камней. Летом корабли из местного порта везли в столицу меха, замороженную рыбу, дары земли и удивительные истории. Эслин и сама покупала необычные украшения и слышала от торговцев пугающие истории о злых духах и могучих шаманах, но не принимала всерьез. Слишком далеко от ее реальности, слишком любят люди сочинять. Но сейчас она была готова поверить. Неужели, этот мужчина и впрямь становился быком? И чем грозит это ей? Придется рискнуть. Немного успокаивает то, как уверенно эта миниатюрная брюнетка держится в мужской компании.

– Мне понятно твое желание, – вкрадчиво согласился

Нэвлис, пристально ее разглядывая. – Ты одна, я вижу, что у тебя нет оружия, припасов и теплой одежды. Ближайшее крупное село Заречное в трех днях ходу, а городок Илака в пяти, если верить карте. Но чем ты будешь нам полезна?

Кулаки сжались сами собой. Еще вчера этот вопрос задавал ей Сон... Все сначала! Ну, улыбнись и ответь что-то про готовку или уход за лошадьми. Но в горле встал ком и никак не удавалось его проглотить...

– Ой, брось, Лис, посмотри на нее! – воскликнула брюнетка. Она быстро подошла к Эслин и крепко взяла ее за плечи. – Девчушка так напугана, и наверняка проголодалась. Она нас не объест за эти три дня.

– Майма, я тоже способен к состраданию. И готов даже поделиться с ней накидкой, спичками и ножом. Это предел, – сухо ответил Нэвлис. – Тебе просто нравится играть в спасительницу, а я оцениваю ситуацию трезво. У нее на запястьях следы от веревок! Не эту ли крошку мы видели на виселице? Нам не нужны проблемы. И так уже привлекли лишнее внимание.

– Перестань, господин! – отмахнулась Майма, которая уже усадила Эслин к костру. – Что она там могла сделать? Что ты натворила, моя дорогая?

– Ничего, просто отказала одному парню в близости, – честно призналась Эслин.

Майма запрокинула голову и расхохоталась.

– О, это очень похоже на правду! Клянусь, ты бы и сам так

поступил, Лис! Некоторые мужчины не выносят отказов.

– Мне никто никогда не отказывал, – сощурился Нэвлис.

– Верю, верю. Только без подробностей о твоих похождениях, – фыркнула Майма и приблизилась к нему. – Ты прав, у меня кровь закипает, когда я вижу таких бедняжек. Я не смогу пройти мимо, зная, что могла помочь. Кем я себя буду чувствовать? Нет и нет. Мы доведем ее до села.

– Я согласен! – поднял руку юноша в белой шапке. Она сидела у него на макушке как сугроб и придавала забавный вид. – Жестоко оставлять беспомощного человека в чаще. И будет с кем поболтать.

– Да, Лис, пожалуйста, пожалуйста, – умоляющим тоном стал канючить Сармик. – Давай ее заведем! Я буду сам за ней ухаживать!

– О, всемогущий Нум, заткнитесь вы все! – недовольно согласился Нэвлис, отталкивая от себя кривляющегося Сармика. – Но говорю прямо, Эслин. Нам не с руки попутчики. Да и тебе наша компания покажется приятной лишь в сравнении с лесным зверьем. Защиту я тебе не обещаю, так что подумай хорошо.

– Да тут и думать нечего. Конечно, мы возьмем ее под крылышко, – улынулась Майма, и ее улыбка в свете костра почему-то показалась Эслин зловещей.

– Я тоже могу взять эту милую девушку на себя. Или под себя, – жизнерадостно заявил Сармик.

– Ешь давай и догоняй Кама, – приказал ему Нэвлис. – И

вы все. Хочу завтра встать пораньше и свалить из этой глуши подальше.

Эслин слегка расслабилась и пригrelась у костра, с интересом изучая новых знакомых. Ее взгляд наткнулся на последнего северянина. Высокий тощий брюнет с вьющимися волосами сидел молча и неподвижно, не представляя из себя опасности, но Эслин заставили вздрогнуть его глаза – сплошь голубые, без белка, да еще светящиеся. Ее взгляд перехватил Сармик:

– О, тебе приглянулся наш Дар богов? – усмехнулся он и пощелкал пальцами перед лицом брюнета. Тот не отреагировал.

– Что с ним? – озадаченно спросила Эслин.

– Сбежал в мир духов. Боится нас пуще их, – ухмыльнулся Сармик.

– Там его разум, а тело с нами едет, – с готовностью пояснил парень по прозвищу Молодой.

– Так он у вас шаман? – уточнила Эслин, и вся компания дружно рассмеялась.

– Легче сказать, кто из нас *не* шаман! – объяснил ей Сармик.

Майма выбрала из своей поклажи тяжелый шерстяной плащ и подала его Эслин. Девушка с благодарной улыбкой в него обернулась и приняла от Молодого кусок жареного мяса:

– А меня зовут Алимка. Я не такой уж и молодой, мне

пятнадцать лет.

– Спасибо, Алимка, – поблагодарила Эслин, и с удовольствием начала есть.

Она заметила, что Сармик и Алимка не прочь поболтать с ней, но усталость дала о себе знать, и вскоре вся компания улеглась вокруг костра. Только молодой мужчина, которого называли Дар богов, остался сидеть безмолвно и неподвижно, уставившись горящими глазами на огонь. Эслин опасливо посмотрела на него, но вскоре тоже прилегла и уснула.

Когда она разлепила веки, странный шаман сидел все так же. Выглядела эта живая статуя пугающе. Зато открыл серые глаза рыжий Кам, тот самый, которого называли быком. Он выглядел довольно сурово со своим кольцом в носу, короткой бородой и морщинками возле глаз. Но его низкий бархатный голос мгновенно отозвался трепетом в животе девушки. Да сам Небесный Отец звучал бы также, реши он обратиться к людям! Только вот смысл его слов...

– Вы что, приготовили мне девственницу на завтрак?

– Боюсь тебя разочаровать, Кам, – тут же весело подскочил Сармик, взметнув своими косами. – Или ты все же...? Раскроешь секрет, Эслин, или разрешишь нам лично проверить эту значимую деталь?

– Второй день вы говорите обо мне как о еде. Надеюсь, вы не питаетесь людьми? – с улыбкой спросила Эслин, проигнорировав вопрос о невинности. После сна в относительной безопасности она почувствовала себя гораздо лучше.

– О, конечно, нет, не едим. В физическом смысле, – заверил ее Сармик. – Кстати, мы вчера не представились. Меня зовут Сармик, но иногда называют Длинный, потому что так зовут моего мать-зверя из-за его хвоста. У нас на Севере принято заменять имена животных прозвищами, чтобы не позвать их ненароком. Длинный задрал оленя. Стая Длинных воеет.

– Длинный скулит и убегает, поджав хвост, – ухмыльнулся Кам. – Брешет. Смехом его все кличут. Но ты обходи этого парня стороной, если жизнь дорога. Его служебные духи так свирепы и безумны, что их даже я побаиваюсь. А что еще страшнее, не он ими управляет, а они им.

– Заткнись! Что ты знаешь? Они беспрекословно мне повинуются! Я их отец и создатель! – мигом оскалился Сармик. – Четыре серых пса из одного помета. Я посадил их на цепь так, чтобы не хватало ровно шага до костей и мяса. И оставил. День за днем они рвались к еде, истекая слюной и срывая глотки. А когда я пришел и отсек головы от истощенных тел, то получил четырех вечно голодных духов, готовых служить мне в благодарность за освобождение. Управляют они мной не больше, чем хвост виляет собакой! Понял ты?!

Кам зевнул и примирительно поднял руки вверх, но Сармик почему-то продолжал испепелять его взглядом, словно товарищ задел его за живое. Эслин, трепеща от восторга и страха, поспешила спросить:

– Значит, вы оборотни? Ты можешь превращаться в быка,

а ты в волка?

– Оборотни... Нет, глупая, не превращаться, – скривился Сармик. – Как бы тебе сказать. Я и есть волк, а он – бык. Такие у нас ие-кыла, мать-звери в мире Духов. Но принимая их облик, мы не можем нанести вред телам людям. Только душам.

– Я не совсем понимаю... – растерянно проговорила Эслин.

– Ну и плевать, – подытожил шаман-волк и отвернулся.

– Сармик, а ты всем встречным привык подробно рассказывать о своих особенностях? Это тактическая ошибка, – заметил Нэвлис, поднимаясь и потирая глаза.

Он достал гребень, тщательно расчесал свои длинные волосы и аккуратно собрал их заново. Молодой вышел из кустов с парой фляг воды, отжатой изо мха. Майма проснулась последней и сноровисто поделила вяленую оленину на всех. Порцию для безмолвного и неподвижного Дара она отложила в сторону.

– Кстати, лапочка. Может, ты развлечешь нас рассказом о себе за завтраком? Явно ведь не местная, – заметил Нэвлис. – Узоры на теле, которые у тебя виднеются из-под платья, обычно наносят в тех краях, где одежда позволяет их хотя бы частично демонстрировать.

– Да, я тоже оценил. Хотелось бы увидеть всю картину целиком, – заметил Кам, жуя.

Эслин подумала, что Нэвлис – проницательная въедливая

сволочь и обязательно заметит нестыковки. Но и всю правду сказать никак не могла. Она задумчиво пожевала свой кусок оленины и начала рассказ.

– Узоры – это ничего такого, у нас многие так себя украшают, – соврала она, чтобы не сообщать о своем прошлом занятии. – Я родилась и всю жизнь прожила в Оспари. И, пожалуй, ничем не отличаюсь от других девушек, кроме того, что однажды убила человека.

Это было не то, чем можно гордиться, но ей вдруг захотелось впечатлить их и показать, что она не так уж и беззащитна. Хотя именно сейчас она была слаба, как никогда.

– Твою мать! Так ты убийца? – отшатнулся от нее подсевший было Сармик. – Я ненавижу убийц!

– Продолжай, – с любопытством в голосе приказал Нэвлис.

– Это был отчим, средней руки чиновник. Он избивал мою мать. Я не выдержала и схватила кочергу. Удар очень удачно пришелся на висок. Не сказать, что я этого хотела, но и не пожалела. Только вот мать обозлилась на меня и сдала полиции. Меня схватили, судили, и за убийство должностного лица отправили в Изыски на работу в копиях, но чудом сбежала, – она нанизала на нить правды бусины лжи и получила правдоподобное ожерелье.

– Мать защищала этого подонка? – всплеснула руками Майма.

– И я поступил бы также! – взволнованно воскликнул Мо-

лодой.

– Сколько чуда и удачи в твоей истории, – задумчиво проговорил Нэвлис. – Некий чиновник... Как его звали?

– Вы ведь из Изысков как раз? Не думаю, что имя тебе что-то скажет, – миролюбиво пожала плечами Эслин.

– Да, под Талви к нам иногда привозят осужденных на добычу платины. Не очень приятно соседство с убийцами и насильниками, но иногда там встречаются невинные и образованные люди, которых мы вытаскиваем, если наместник не мешает, – внезапно поделился Нэвлис.

– Наместник Идан? – случайно вырвалось у Эслин.

– Откуда ты знаешь? Читаешь газеты? – прицепился Нэвлис. – А чем ты занималась у себя в столице? Где жила, если не с семьей? Каким образом сбежала?

– Достаточно! – возмутилась Майма, поднимаясь с земли. – Лис, дорогой, у меня голова от тебя пухнет! Хотел же ехать быстрее, а теперь сидишь и дознаешься, кто, чего, куда. Уважай ее право хранить тайну. Это был смелый поступок, Эслин! Ты выросла в моих глазах.

Она крепко сжала плечо девушки, а затем сурово взглянула на Нэвлиса и принялась скручивать свою подстилку и прикреплять к поклаже.

– Мы еще вернемся к этому, – пообещал Нэвлис. – Я прямо-таки восхищен девушкой из хорошей семьи, которая сперва сбежала из-под конвоя, а потом с виселицы. Ответь хоть, куда ты теперь направляешься?

– Пока не решила, где укрыться, но хотела сперва добратъся до Оспари и проведать близких, – Эслин нервно мяла кончик косы в руке, мысленно проклиная дотошность блондина. – Я же говорю, повезло. Вчера вы помогли, а тогда – охрана отвлеклась. Я просто много молилась Небесной матери, вот и все.

Нэвлис буркнул что-то неопределенное и явно хотел дальше задавать вопросы, но Майма запрыгнула в седло, да и остальные мужчины закончили трапезу. Тогда глава северян подошел к неподвижному Дару и похлопал его по плечу. Тот машинально поднялся и взобрался в седло. Эслин решила перевести разговор:

– А вы куда направляетесь и зачем? Почему столько шаманов? Явно не торговать едете.

– Угу. На прогулку, – подтвердил Сармик, вступая в стремена.

– Так, мир смотрим. Сначала как раз в Оспари, столица, как-никак. А потом в горы Туярык. Говорят, живописное местечко, – туманно заявил Нэвлис, уже собиравший свой дорожный мешок. – Не вышло между нами искренности, так что получай удовольствие от такого ответа.

Эслин пожала плечами и забралась на свою лошадку из села. К ней близко подъехал Кам и на ходу заметил своим низким завораживающим голосом:

– Кстати, об удовольствии. Мне будет приятно познакомиться с тобой поближе. И тебе будет приятно, поверь.

Эслин сглотнула и опустила глаза, но Кам уже двинулся вперед. К нему присоединился Сармик и рявкнул:

– Дорогу мне хочешь перейти? Я на нее первый взгляд положил!

– Эй, Смех, у тебя что, женское недомогание близится? – закатил глаза Кам. – Да забирай, во имя Милостивого Нума. Мне не жаль.

– Так-то. Рад, что ты трезво оцениваешь расстановку сил, – похвалил его Сармик, но Кама эта фраза заставила дернуть щекой:

– Расценил мое дружелюбие как слабость? Многие пожалели об этой ошибке, преподам тогда и тебе урок.

Девушка напряглась. За шиворотом червями зашевелилось дурное предчувствие, но тут к ней подъехал Алимка и жизнерадостно улыбнулся.

– Расскажешь про столицу?

Эслин умела увлекать мужчин разговором, поэтому бездумно завела беседу, стараясь не рисовать ужасные картины в голове. Всего-то три дня. А дальше видно будет.

Глава 11. Дурной сон

Мягкий лес, север Ангардаса

Мечтательный утренний свет едва пробивался сквозь плотные ряды лиственниц и елей. Мох, захвативший всю видимую поверхность, звонко хлюпал под копытами лошадей. Путники вновь вышли на утоптаный тракт – единственную дорогу, которая напоминала Эслин узкую трещину в глухой стене дикого северного леса.

Нэвлис выехал вперед и пустил своего рослого белого жеребца рысью. Остальные выстроились в цепочку и двинулись за ним. Эслин оказалась позади всех и настороженно следила за шаманом, которого Сармик назвал Подарком Богов. Удивительно, что его тело реагировало на простые сигналы и двигалось само по себе, тогда как разум явно находился в другом месте.

Белесый круг солнца напоминал лоснящуюся потертость в светло-голубом шелке. Когда светило расположилось над их макушками, Нэвлис вновь перевел коня на шаг и махнул рукой в сторону небольшой речушки. Казалось, она специально выползла из леса, чтобы своей прохладой и нежным журчанием заманить их в обратном направлении в чащу.

Северяне мешками свалились с коней на привал. Оказалось, им непривычна верховая езда. Майма свирепо жаловалась, что не может собрать ноги, а Сармик замысловато про-

клинал неудобное седло, его создателя, а также свою свое-
нравную пегую лошадку и ее предков. Как только девушка
спешила, к ней подлетел Алимка с туеском:

– Эслин, пошли, вон у того дерева куча грибов и там ре-
чушка расширяется. Мы с тобой сейчас рыбешек наберем и
быстренько суп сварим с крапивой. На, держи нож. И давай
дальше рассказывай! Раз скоро начнется сезон балов, мне
нужно все знать. Вдруг и мы попадем, – на удивление, парень
кипел бодростью и смотрел на Эслин во все глаза.

– Ну, хорошо. Смотри, бал открывает танец-шествие. Его
танцуют все, даже если потом ночь за картами просидят.
Люблю эту традицию! Как по мне, это очень возвышенно:
гости плывут по залу с церемонными поклонами и поворо-
тами, меняются партнерами. Хотя моя подруга считает иначе
и говорит: «пойдем расшаркаемся со всеми», – Эслин горько
усмехнулась, вспомнив Йошиму. Где она сейчас, жива ли?

От тревоги и воспоминаний она поспешила скрыться в ра-
боте. Присела и начала срезать красивые крупные лисички и
складывать их в туесок. Алимка подошел к берегу, где речка
делала поворот, и стал всматриваться в воду под корягами.

– А у нас танцуют на благопочитание Огня. Это очень
важный праздник. Все съезжаются в Талви и празднуют весь
день. Как говорится, от первых искр и до последнего пепла.
У Маймы Огонь – амагят, поэтому она главный обряд про-
водит, и...

– Слушай, Алимка, – вдруг прервала его Эслин, – а поче-

му именно ты здесь за еду отвечаешь, почему не по очереди?

В благоприятных обстоятельствах она бы послушала о чужой культуре, но сейчас спешила узнать больше о своих спутниках.

– Ага. Хоп! – Алимка изловчился, резко бросил руку в воду и прижал к коряге крупную рыбу, а затем показал ее, крепко сжимая. – Вон какая! Так это шаманы. У нас их обхаживают, чтоб помогли, а не вредили. Славу и подношения они ой как любят. Во времена предков у каждого своя вотчина была, по два-три стойбища. А как люди стеклись в Талви, и шаманы там схлестнулись. На кого князь укажет, тот главный, тому почести и служение. А остальным глотки друг другу грызть. Но за плохое поведение их могут и в изгнание выслать. Поэтому Лиса они и слушают. Но прислушивать никому не станут.

– Я, кажется, понимаю.

Пока Алимка ловко разделявал крупную рыбу прямо на берегу, Эслин напряженно следила за Камом и Сармиком, которые не в первый раз подбрасывали монетку. Видимо, результат постоянно не устраивал то одного, то другого, поэтому в конце один оскалился, а другой сощурился и наклонил лоб вперед. Мимо прошла Майма и выдала по пути что-то хлесткое, едва взглянув на мужчин. Это подействовало, и недовольные шаманы разошлись. Эслин взяла туесок с грибами, налила воды в котелок из поклажи Молодого и подошла к шаманке.

Майма собрала веток и разводила костер, приговаривая, поднимая открытые ладони снизу вверх:

*– Гори! Скорей! Не хватит морей твое сердце тушить.
Гори, чтоб нам жить.*

Несколько кусков вяленого мяса полетели на языки взлетевшего пламени, и шаманка ласково посмотрела на новую попутчицу:

– Не бойся, дорогая. Знаешь, меня впечатлила твоя история про того изверга. Ты совсем не такая безропотная, какой кажешься! Только смой сейчас же этот рисунок с кожи! Он делает из тебя товар.

– Ммм, спасибо за совет, – пробормотала Эслин, сооружая из двух палок крест-накрест подвес для котелка, – так значит ты за меня вступилась?

– Я ведь обещала тебя защитить, – кивнула Майма, и критичным взглядом осмотрела Эслин, – только ты должна мне помогать в этом! Попроси у Алимки штаны и приведи себя в приличный вид, а то при езде так и светишь коленями из-под юбки.

Эслин подвесила котелок и не удержалась:

– Ты тоже в платье.

– Я – другое дело, – фыркнула шаманка, – я наряжаюсь для себя, а не чтобы приманить. Тем более, ко мне никто не посмеет сунуться против воли. А вот у тебя на лбу написано «лягу за ужин».

– Почти угадала, – подбородок Эслин подкинуло вверх, –

в Оспарии я известна как сатри – воплощенная мечта. Влиятельные люди платили, чтобы только провести со мной вечер за беседой или игрой. Я уже оставила это искусство, но свой опыт уважаю. И кстати, узор нанесла мне наставница, которой я многим обязана, потому что он мне очень дорог. Надеюсь, такая мудрая девушка поймет меня и защитит, без оглядки на то, что написано на моем лбу и нарисовано на теле.

– Искусство – это сильно сказано... – ошеломленно подняла брови Майма, но Эслин не пожалела о сказанном. Подчинение виделось предательством себя. После недавних пыток ей хотелось держаться за свою личность не меньше, чем за неприкосновенность тела. В конце концов, не будь она сатри, не стала бы и левой рукой главы сопротивления. Впрочем, об этом заикаться не стоит.

К костру подошел Молодой и затараторил, перебив шаманку:

– Сатри? Не может быть! Я читал про них в романе «Невольница чести»! Макушкой меня в сугроб, Эслин! Я же, знаешь, мечтаю в Оспарии устроиться порученцем у какого-нибудь большого человека, вроде Нэвлиса, бегать на посылках к важным людям, приносить пользу и копить деньги. А потом купить себе вечер с сатри, и чтобы она мне танцевала!

Юноша замысловато покрутил руками, изображая, какой примерно танец он хочет, но Майма закатила глаза, сгребла в кулаке его кофту под шейю и слегка подтолкнула к котлу.

– То, что ты раскрылась передо мной – хорошо. Но то, что плюешь на здравомыслие и гордишься унижительным ремеслом... Нет, нам не по пути, Эслин. Больше я тебе не помощник. Наслаждайся привычным мужским обществом, – отрезала Майма и отвернулась.

– А хоть бы я и в публичном доме трудилась! Разве нет у меня права желать, чтобы меня никто не трогал и выглядеть так, как хочется? – голос Эслин дрогнул от возмущения. Этот вопрос не раз всплывал в ее жизни, но она редко получала на него ответ, созвучный с ее собственным. Так вышло и в этот раз.

– Всегда есть выбор! Раз уж ты встала на этот путь, должна быть готова сойти с него при первой возможности. Она появилась. Но вместо того, чтобы смыть проклятые каракули, про которые тебе уже дважды сказали мужчины, ты споришь со мной! – Майма повысила голос и подалась вперед так, будто готова была оттащить несогласную за волосы. – Я бы могла опекать тебя. Но нельзя помочь тому, кто этого не хочет! Если ты перечишь в простой и понятной просьбе, что будет дальше?

– Но ты дважды оскорбила меня, и... – попыталась оспорить ее слова Эслин, но огонь в костре вдруг рванул в ее сторону.

Жар окатил лицо, забился в ноздри и рот. Эслин отскочила и закашлялась. Молодой сочувственно поморщился и предложил попробовать бульон. Вскоре к костру подтяну-

лись остальные с мисками из поклажи. В молчании звучал только стук ложек и прихлебывания. Эслин тоже принялась за обжигающий суп, смакуя нежные куски рыбы и легкую горечь травы. Вскоре вкус еды испортили короткие и разящие как выстрелы взгляды Сармика, и металлические глаза Кама, пронзившие ее острием штыка. Черви тревоги расползлись уже по всему телу.

Перед безучастным Дарханом тоже поставили миску, а в конце трапезы его снова похлопали по плечу, призывая подняться. Путники засобирались. Эслин тоже отправилась к своей краденой лошадке, ласково потрепала ее по морде и вдруг ощутила, как цепкие пальцы резко схватили ее за талию. Она сдавленно вскрикнула.

– Давай помогу, – горячий шепот Сармика обжег шею, и в следующий миг ее уже подкинули к седлу.

– Не стоило, – пробормотала Эслин, не глядя ему в глаза, и торопливо пустила лошадь вперед.

– Да, не стоило, – услышала она позади угрожающий голос Кама. – Девница моя. Еще раз руки распустишь – лишишься их.

– Рот закрой, скотина. Или познакомишься с моими питомцами, – огрызнулся Сармик.

– Великий Нум, будто это последняя девчонка на свете! – простонал Нэвлис. – Продержитесь пару дней мирно, и в следующем селе я найду по две каждому.

– Нет, Лис. Тут дело принципа, – тихо и угрюмо прогово-

рил Кам.

Эслин выехала на тракт и дожидалась остальных, кусая губы. Она уже пожалела, что дала гордости взбрыкнуть, и всерьез продумывала извинение для Маймы.

«Пущу слезу, раскаюсь во всех грехах и признаю ее своим светочем – точно простит. Такие обожают раболепие. Но как же мерзко! Успею...»

Сперва надо воззвать к благоразумию Нэвлиса. Несмотря на острую потребность в одиночестве, самолюбие противно поскребывало изнутри ноготком. Единственный из северян, кто не испытывает к ней симпатии – звучит как вызов. Тьфу ты! В иных бы условиях... А сейчас ей нужны только покой и неприкосновенность.

На следующем привале, когда лошадям дали отдых, а путники разошлись размяться и утолить жажду, Эслин подошла к Нэвлису. Начало смеркаться. Северянин умывался из фляги.

– Господин, два твоих шамана вот-вот подерутся из-за меня. Это невыгодно тебе, а мне и подавно. Не мог бы ты их урезонить? – начала она спокойным светским тоном, будто просила отогнать карету с ее пути.

– Помнишь, что я говорил? – холодно осведомился Нэвлис. – Я не стану впрягаться за тебя. Дарю совет: выбери сама кого-то одного, тогда и ссоры не будет.

– Мне это не подходит, – ответила Эслин, все еще сохраняя достоинство и надеясь на его честь и благоразумие. Ее

спина превратилась в доску от напряжения.

– Как знаешь. Я помирю шаманов, и они покроют тебя вдвоем, – пожал плечами блондин. – Мне такое развитие событий видится наиболее удобным.

Эслин не поменялась в лице, но похолодела от жестокости и прямоты.

«Льда кусок! Такой не растает, даже если у ног ползать».

Она оставила на его лице долгий и полный ненависти взгляд, встреченный с завидным безразличием, развернулась и ушла. Но вскоре ее самообладание стекло с лица и, нервно теребя конец косы, бывшая сатри задумалась над его советом. Сопровождение покровителей до постели не поощрялось в Галерее Ветров, но существовало. Эслин тоже впустила этот опыт в свою жизнь с хладнокровием и пониманием выгоды, но, обретя Красные и Зеленые, радовалась, что теперь не придется ложиться с теми, кто ей не по нраву. А тут придется отдаться за безопасность. Либо прогнуться под шаманку. *«Кусок хлеба в супе. Склизкий, разбухший, потерявший форму. Вот я кто».* Безысходность горчила на языке. Бежать? Теперь, пожалуй, догонят. А там еще и убьют. Оставят в покое – снова путь в одиночестве и страхе от каждого шороха. Нет сил...

Когда все собрались, Эслин взобралась в седло и посвятила мысли выбору покровителя. Сармик – яркая и резкая вспышка молнии, а Кам похож на грозный всепроникающий

гром. Каждый по-своему хорош, но она бы предпочла принимать восхищение на расстоянии...

На остановке для ночного привала напряжение между шаманами стало осязаемым. Рыжий великан что-то веско и монотонно высказывал, а клыкастый насмешник без конца перебивал. Хотелось заткнуть уши пальцами, но тут кто-то притронулся к плечу бывшей сатри. Алимка улыбнулся и поманил ее за собой к поклаже, и Эслин обрадовалась возможности улизнуть. Но отойти они не успели. Кам раздраженно взмахнул руками, замер, прислушиваясь, и хмуро заявил:

– Погоня.

– Кто? – спросил Нэвлис.

– Вроде те увальни из деревни.

– Так и думал. Сармик, время кормить питомцев!

Хищный шаман с широкой улыбкой отвязал ножны от своей поклажи и повесил на пояс. Затем достал оттуда же флягу и трижды плеснул из нее на землю, со словами: «Дед, приходи, биться будем». Следом появился бубен, любовно припрятанный в шкурах. Бубен украшала фигурка двухголового человека на олене, окруженного разномастными животными. Сармик уселся с ним на землю, взял в руки небольшую колотушку и застучал ею по упругой натянутой коже инструмента. Постепенно под ритмичные удары его тело вросло в землю как каменный дом, а глаза теперь напоминали плохо промытые окна, за которыми пляшут неясные тени.

Резко подул холодный ветер, и Эслин четко услышала сви-

репое рычание и душераздирающий вой из ниоткуда. Она невольно подвинулась к Алимке. Майма продолжила спокойно сидеть возле костра. Полуприкрыв глаза, она бормотала низким и страстным голосом:

– Сегодня и впредь поклоняюсь тебе, танцующий в чаще лесной и в гнилье. Танцующий в битве и в крови моей, все страхи сожги и сомненья убей!

Приготовления Кама тоже не заставили себя долго ждать – к его снаряжению добавилась пара кистеней – увесистых гирек на ремнях, и бубен с изображением раскидистого дерева, крона которого уходила к звездам, а корни спускались под землю, где плавали рыбы. Кам уселся и стал отбивать колотушкой свой мерный темп, который удивительно вплелся в ускоренный ритм Сармика. Эслин заворожено наблюдала за троицей и ощущала влияние бубнов на себя саму.

Звуки бились о тело и проникали внутрь, заставляя сердце работать в такт, изменяя скорость вдохов и выдохов, расслабляя мышцы, унося посторонние мысли прочь и погружая ее в легкий транс. Загадочный Дар продолжал сидеть неподвижно со своими сплошь голубыми сияющими глазами, а Нэвлис невозмутимо искал что-то в поклаже. Вскоре он извлек бритву, зеркало, мыло и флягу, и отошел к дереву, чтобы приладить зеркало на удобный сучок.

Вскоре шаманы закончили и на поляне воцарилась тишина. Сармик улегся на землю, Кам откинулся на ствол дерева, а Майма продолжала вглядываться в огонь. Через несколько

тягучих мгновений послышался топот, фыркание лошадей и на поляну въехали восемь крепких селян и шаман в расшитой костями рубахе во главе со Сном. Мужчины вооружились дубинами, топорами и луками.

– Какие люди! – с усмешкой объявил Сон. – Тут разом и одержимая, и отмороженные. Уже спелись. А еще говорят, что зараза к заразе не пристаёт.

Нэвлис только что намылил щеки и с показным неудовольствием оторвался от бритвы, чтобы ответить:

– Вы по делу или чтобы выразить нам почтение?

Селяне с недобрыми улыбками быстро взяли компанию в кольцо.

– Придави меня небо, так это ж мужик! А я смотрю, платье нарядное, цацок куча, думал, баба! – Сон дал своим людям посмеяться и продолжил. – Ладно, объясняю. Мы сейчас забираем нашу старую знакомую. Затем вы спокойно стойте и нежно смотрите, как мои парни проверят всю поклажу на предмет запрещенных колдовских вещей. Ибо в святом Ангардасе, что опекают Небесные Родители, нет места богомерзким верованиям.

– Своего костяного рыцаря обыщите, – фыркнул Нэвлис. Сельский шаман не отреагировал.

– Наш помощник старосты очень набожный человек, о нем никто дурного не скажет, если откуда с проверкой нагрянут, – ехидно ответил Сон. – Так вот. Я гляжу, что у вас только один человек вооружен, так что нет смысла сопротив-

ляться. Мы с вами ничего не сделаем, если будете себя примерно вести.

Двое мужчин слезли с коней, чтобы связать беглянку, а остальные зарядили луки и направили на компанию. Эслин попяtilась, не сводя глаз со Сна, и содрогнулась всем телом, когда ощутила чью-то руку у себя на локте. Но оказалось, это Алимка тянет ее подальше от шаманов, ближе к Нэвлису. Тот как раз прощально помахал бритвой сыну старосты:

– Жаль, могли бы подружиться. Буду молиться, чтобы ты выжил. Но... без усердия.

Поляну, как по щелчку, заволокло густым дымом. Люди закашляли, замахали руками.

– Проклятье, стреляйте, парни! – крикнул Сон.

За секунду до окрика Эслин упала на землю. Судя по звуку, Алимка совсем рядом повторил ее маневр, свистнули стрелы, и тут вновь раздалось рычание и пронзительный вопль. Тут же в дыму послышался звук разрываемой плоти и человеческий крик. Шаман, что приехал в погоню, замахал руками, приказывая своему духу-покровителю разогнать дым. Лучше бы он этого не делал. Сквозь поредевшую завесу Эслин разглядела четырех серых псов размером с телят. Из их глаз вырывался огонь, шерсть торчала в разные стороны, зловеще белели клыки, а морда блестела от слюны. Сармик повелительным жестом указал тварям на всадников, а сам схватился за меч.

Пораженная Эслин наблюдала, как разболтанный в жизни

Сармик, в бою двигается с изяществом и точностью, быстро атакуя противника, который надвигался на него с топором. Питомцы шамана оказались под стать хозяину – одним своим приближением они заставили лошадей испуганно ржать и подниматься на дыбы, вгрызались им в горло, хватали седоков за ноги и стаскивали вниз. Стрелы огибали зверюг и пролетали мимо них, даже пущенные в упор.

Майма завершила свои игры с дымом и сосредоточилась на сельском шамане. Тонкая полоска огня изящной змейкой заползла прямо под брюхо его лошади. Животное испуганно заржало и встало на дыбы. Шаман свалился, кости на его рубахе звякнули. Тут же из-под земли рядом с его ногами вырвался целый столб пламени. А рядом с рукой еще один. Столбы возносились то тут, то там, и опадали. Сельский шаман блестел от пота и покрылся копотью, уворачиваясь от них. Казалось, что он впервые видит своих собратьев по ремеслу и не представляет, как использовать свои способности.

Каму пришлось тяжелее всех. Его верхом атаковал Сон с двумя пешими товарищами, увидевшими в нем наибольшую опасность. Шаман одновременно выхватил свои кистени и издал резкий нечеловеческий звук, который как клинок пронзил воздух и впился в лошадь Сна. Та неистово замотала головой, бешено задергалась из стороны в сторону, и вынудила сына старосты спешиться. У самой Эслин лишь отголоска этого звука заложило уши и помутнело в голове.

Кам же замахал двумя кистенями. Увесистые гири со свистом закружились в воздухе, не давая пешим воинам подойти к шаману. Их дубины натыкались на снаряды и отлетали. Сон поспешил зайти к противнику со спины, но Кам повернул голову и крикнул в него, вызвав у Эслин новый приступ помутнения. Сон отшатнулся, держась за голову. Вторая порция разящего звука досталась двумя бойцам, которые на миг отвели дубины и поочередно получили тяжелыми снарядами по рукам. Хрустнули кости, оружие вылетело из рук, а следующие удары пришлись на их черепа. Все произошло молниеносно. Эслин даже не услышала криков – только тяжело рухнули тела на землю. Сон, оправившись, подскочил сзади к шаману и только занес над ним меч, как Кам обернулся и вновь открыл рот. Волна невероятно высокого звука, которую Эслин скорее почувствовала, чем услышала, отвела в сторону уже летящий меч, а взметнувшиеся один за другим кистени попали в челюсть и коленную чашечку мужчины. Упав со стоном, Сон попытался отползти, но получил последний удар по голове. Тут же Эслин ощутила в воздухе сильный запах горячей плоти и увидела, как шаман в костяной рубахе, вереща, убегает в лес, объятый пламенем. Шаманские псы с урчанием поедали каждый по воину. Воцарилась тишина. Нэвлис смыл пену с подбородка и обтер лицо полотенцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.